

Евгений Орлов

**Крылья
для
демона**

Евгений Орлов

Крылья для демона

«Accent Graphics communications»

2012

Орлов Е.

Крылья для демона / Е. Орлов — «Accent Graphics communications», 2012

«Свинцовые тучи зацепились меж «крейсеров» и опрокинулись чилимой – морось продрала до души. От остановки предстояло отскакать с полкилометра. - А что делать, Тёма, что делать? – Рома убеждал, по большей мере, самого себя. – Скоро белые мухи полетят, башмак надо покупать.... – Рома походил на Мефистофеля: огромная башка (волосы, похоже, не росли с младенчества), прижатые уши с острыми кончиками, недовольное лицо: уголки губ приспущены, как казацкие усы. Шарообразные плечи не вяжутся с цыплячьей шейкой и холеными кистями. – Уважаемый, закурить?.. – Рома зацепил очередного прохожего – невзрачный семьянин перепрыгнул по кирпичам на другую сторону. Рома глазами уничтожил жертву. – Что за горы, блин!..»

© Орлов Е., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Глава 1. Артем.	5
Глава 2. Даша.	11
Глава 3. Артем.	22
Глава 4. Даша.	31
Глава 5. Даша.	40
Глава 6. Артем.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгений Орлов

Крылья для демона

Глава 1. Артем.

Свинцовые тучи зацепились меж «крейсеров» и опрокинулись чилимой – морось продрала до души. От остановки предстояло отскакать с полкилометра.

– А что делать, Тёма, что делать? – Рома убеждал, по большей мере, самого себя. – Скоро белые мухи полетят, башмак надо покупать... – Рома походил на Мефистофеля: огромная башка (волосы, похоже, не росли с младенчества), прижатые уши с острыми кончиками, недовольное лицо: уголки губ приспущены, как казацкие усы. Шарообразные плечи не вяжутся с цыплячьей шейкой и холеными кистями. – Уважаемый, закурить?.. – Рома зацепил очередного прохожего – невзрачный семьянин перепрыгнул по кирпичам на другую сторону. Рома глазами уничтожил жертву. – Что за горы, блин!

Артем показал лестницу.

– Срежем?

– А куда деваться? – Ромка начал взбираться; рассыпавшиеся ступеньки зияли арматурой, леер покосился и грозил обвалиться. Отпыхтев положенные метры, они перевалились через край. Артем прочитал табличку.

– Дробь один, – цифры едва различимы сквозь ржавчину. Первый этаж гостинки стыдливо зашорен фанерой, там, где ее не хватило, чернеют провалы без рам. Грязь под стеной усыпана бычками, шприцами и гандонами. Тощенький кот унижено клует раскисший хлебный мякиш рядом с мокрыми голубями.

– Гарлем! – хихикнул Рома.

– Третий – последний, – Артем кивнул на зарешеченный ларек (судя по концентрации мусора – сосредоточие распутства). Колдобины, обогнув желтую коробку, вели к остальным центрам зла. – Нам туда! – Они обошли «крейсер», вдоль бордюра досыпали усталые машинки, на стеклах – богатый осадок сажи. Белеет шпаклевкой левый бок Тойоты Корона. Ромка прислонился к тонированному стеклу.

– Засранец?

– Гаденыш, – согласился Артем.

– Спит, сученок.

– Спит....

На третьей дробь таблички не было; половину фундамента заняло телогреечное граффити: «Рима, блядь, я люблю тебя. Кукс». Ромка достал из спортивной сумки банку от болгарских огурцов, взболтал спортивное питание. Проходящая мимо бабулька подозрительно посмотрела, лупоглазый пикинес солидарно залаял, спрятавшись за хозяйку. Время двигалось к восьми, на работу потянулись заспанные жильцы. Артем поколебался.

– Разбудить?

– Да ну его, – воспротивился Ромка. Заметил мохнатого мужичка. – Уважаемый, есть?.. Мужчина спрятался под воротник.

– ...закурить! – выдохнул Ромка, через плевок – заключил. – Черти!

– Рожу свою в зеркале видел? – усмехнулся Артем.

– Нет у меня зеркала, – буркнул Ромка, поискал бычок побогаче. Выругался. – До фильтра высасываю!.. Эй, шкет, есть закурить?

– Натё! – парнишка лет одиннадцати протянул мятую пачку «Беломора». Ромка уважительно выудил папирсину, отвесил мальчишке шутейную затрепину.

– Не кури! – козленочком станешь... – Шкет обижено закусил губу, выругался издали, как заправский грузчик. Ромка помял папиросу меж пальцев.

– Травокур...

– Что? – не понял Артем.

– Гашишем за версту несет, – объяснил Ромка, закинулся куревом. Артем поморщился – едкий дым выгнал слезу. Второй волной из подъезда выбрались студенты, да дремучие маргиналы. Если первые растворялись в тумане, то вторые, потолкавшись у ларька, возвращались с баллонами «быдлопива». Рассаживались здесь же, вдоль бордюра, глотали из горла и делились бухими радостями. Меж серых мужчин затесалась потрепанная сучка неопределенного возраста и количества использований.

– Да, ты че, Фома, тема такая...

– Гы-гы-гы...

– Да говорю, он черт!

– И бабки у него есть...

– Че за тема?

– А он че?

– Ни че, попутал...

Артем брезгливо отвернулся.

– Счастье...

– Да ладно – хорошо пацанам! – Ромка, захихикав, переспросил. – Тема, а ты смог бы с той – за тысячу?

– Идиот.

– А за сто.

– Тысяч?

– Ну.

– Иди в жопу.

– Не пускают... А я бы смог.

– Пустить? – Артем покосился на шайку; дама цвела застарелым «фонарем».

– Болван, – буркнул Ромка, покосился на «Корону». – Епть, Засранца разбудили...

Женя Рядов лупал глазами через запотевшие окна. Опустилось стекло, опухшее лицо недовольно скривилось.

– Пришли?

– Нет, – хохотнул Ромка.

– Я сейчас... – Рядов выбрался из автомобиля, потянулся. Дешево полез обниматься. – Привет-привет. – Он хлопнул Артема по плечам, как крестный отец сицилийского клана, хотя сам еле доставал до них головой. – Привет-привет... – Маргиналы были поражены, даже «археолог» у мусорного контейнера замежевался. Рядов остался в образе. – Есть тема. – Он деловито извлек барсетку, хлопнул дверью. – Юрич просил помочь...

Подъезд застила тьма, лампочки горят с третьего этажа – по одной на длиннющий коридор: ряды, ряды железных дверей. Ромка поделился впечатлением.

– Как в СИЗО.

– Ага, – подтвердил Рядов, хотя там не бывал. Пятый этаж...

– Здесь? – Артем огляделся – чем ближе к небу, тем чище. Четыре лампочки висят над картофельными ящиками. В конце, у балкончика, пепельница из консервной банки. На корточках курит пожилой мужчина: вполне себе, токарь или моряк – чистая майка и трикушки со штрипками. Тянет подгоревшей яичницей, хныкает ребенок, да брызжет нотациями мамаша. Рядов сверился с бумагой.

– Здесь, – кивнул он.

– Какая квартира?

– Тридцать пятая.

Рядов расправил плечи, уверено потопал вдоль дверей, курильщик безрадостно повернулся к тревожным гостям.

– Тридцать один... тридцать три...

– Тёма, гляди! – обрадовался Ромка. – Баба вместо номера!

– Тридцать пять, – Рядов остановился перед коричневой дверью, взяв барсетку под мышку. – Стучите!

– Товарищ барин, куда нам! – возмутился Ромка. – Ты главный.

– Может, участкового дождемся? – поежился Артем.

– Нахрена?! – Рядов коснулся железа. – Юрьич договорился. – Он с прокурорской уверенностью грохнул в дверь. – Открывай!!!

Артем смотрел на счетчик: кишки проводов в подпаленной изолянте, фарфоровые пробки, усики «жучков». Лениво мотается электричество.

– Открывай! – повторил Рядов, прислонил ухо к двери. – Вроде, никого...

– Засухарились бичи, – Ромка недобро глянул на курильщика. – Не ломать же.

– Нафига? Ключи есть! – звякнула связка; Рядов заелозил ригелем. – Черт, не выходит...

– Дай мне, – Ромка отобрал ключи и присел на корточки. – Сейчас, подломим целку... –

Он возился с минуту, прежде чем с той стороны робко поинтересовались:

– Кто... там? – женский голос заметно дрожал.

– Слышь, коза, открывай – хозяйева пришли! – Рядов долбанул по двери. Пауза. Курильщик утопил бычок в пепельнице, стряхнул пепел с треников.

– Чего тебе? – Артем агрессивно вперился в него. Мужчина отвел глаза, подобрал пачку сигарет и протиснулся в свою комнату. Лязгнул замок. Из тридцать пятой, наконец, решились:

– Простите, какие хозяйева? Виталя до мая разрешил...

– Какой, нахрен, Виталя! – взвился Рядов, пнув дверь.

– Виталя из Кипарисово, он разрешил...

– Какое, в жопу, Кипарисово?!!

– Простите... у меня ребенок...

– Мне на твоего ребенка... Сейчас менты приедут. Открывай или вынесем дверь!

Молчание.

– Джоник, подожди, – Ромка отодвинул Рядова. – Мамаша, открывай! – разберемся, кто кому и чего разрешил.

– Вы из милиции?

– Из милиции, из милиции, – соврал Ромка.

Женщина засомневалась. Рядов недовольно повел плечами.

– Ломать... Слышь, коза, открывай по-хорошему – разнесем чушатник.

– Но Виталя...

Артем придержал его.

– Женщина, вы не бойтесь, – начал он вкрадчиво. – Мы поговорим, позовем Виталю и поговорим.

– Виталя мой дом купил, сказал, что можно...

– Вот, бл! – попробовал встрять Рядов.

– Тише! – зашипел на него Ромка. Артем терпеливо пережил перепалку.

– Вы знаете, где найти Виталю?

– Да... телефон...

– Видите – все решаемо! Никто вас пальцем не тронет, живите себе. – Пауза. Заскрипели за дверью половицы.

– Ну? – вкрадчиво поинтересовался Артем. Еле слышно хныкает ребенок.

– Миша, помолчи, пожалуйста – помолчи! – шепчет она.

- Договорились?.. или зовем ментов? – Артем взялся за дверную ручку.
- Подождите, не надо ментов. Я, правда, ничего не знаю. Я открою, Виталя обещал...

Он сказал, что можно...

- Мы только поговорим.

Дверь задержалась:

- Подождите, я сейчас... Миша, ну, хоть ты угомонись! – Артем дернул на себя...

Крохотная комнатка: диван застелен сереньким застиранным бельем, допотопная «стенка» жрет остатки пространства, пыльные книжки. На полу – обглоданный молью ковер. Всюду игрушки и детские вещи. Рядов поморщился.

– Под себя ссыте, что ли? – зажал пальцами нос. Крохотная женщина застыла посреди комнаты, прикрывая платком ночную рубаху. Мальчик лет трех – глаза на пол-лица – взъерошенный, в пятнах зеленки сжался у торшера. Ромка прикрыл дверь, женщина потемнела.

- Виталя...

– Слышали уже, – буркнул Рядов, расстегивая барсетку. Женщина обреченно смотрела, как он разворачивает листок. Мишка подполз к матери, обхватил ее ноги, она присела, вино-вато глянула снизу вверх.

- Простите, он маленький – боится. Вы поговорить?

- Поговорить, поговорить, – Рядов протянул бумагу. – Читай!

- Что это? – она тупо уставилась на документ.

- Собственник квартиры тридцать пять – Моленко Андрей Юрьевич, – «помог» Рядов. –

А что ты здесь делаешь – не понимаю!

- Но Виталя договорился!.. – ее губы затряслись.

- С кем? С нами – нет!

Она трепала в руках бумагу, наглаживала Мишку. Вдруг догадалась.

- Вы ему позвоните – есть телефон! Это, наверное, недоразумение!

– Умница, – восхитился Ромка. Между прочим, взял из горы грязной посуды кухонный нож. Повертел его в руках. – Откуда дикость такая?

- Что вы... ребенка напугаете! – она прижала Мишку. – Вы позвоните.

Ромка бросил ножик обратно, пирамида посуды покатила и рассыпалась со звоном.

- Ма-а! – мальчик сжал кулачками мамкину рубаху.

- Прекратите! – она поднялась, попробовала их вытеснить, малыш разревелся.

– Короче так, мамаша! Выметайтесь! – Рядов ловко подхватил документ, потряс им перед глазами. Обернулся на товарищей. – Выносим! – Артем сорвал с вешалки ворох одежды: драповое пальто, детскую курточку и варежки. Пнув дверь, вывалил в коридор.

- Не смейте! – заголосила она.

Ромка столкнул ее на диван.

- Молчать, придавлю! И гаденыша твоего!

- Мама!!! – Мишка вцепился в его штанину. Ромка закинул мальчика к матери.

- Лежать, бл! Берегите целки!

– Позвоните Витале! – не унималась она. Бросилась к комоду, нервно выдернула ящик, перевернула. В хламе обнаружился огрызок тетрадного листа. Женщина затрясла им. – Вот, позвоните! – Рядов равнодушно рассмотрел корявые цифры – порвал, обрывки полетели ей в лицо.

– Знать не знаю никакого Виталя. Захочет, пусть ищет Моленко – ему пояснят, а надо – спросят.

- Будьте людьми, ведь мальчик маленький... на улицу. Я заплачу, сколько надо, скажите!

Рядов с усмешкой оглядел ее с ног до головы.

- С собой что-ли? Откуда у тебя деньги, чума?

- Я заплачу!

– Уплочено, мамаша! – Ромка и Артем вздернули печку, бросили ее на одежду, коридор загрохотал.

– Не надо! – взмолилась она. – Нам пойти некуда...

– К Витале! – посоветовал Ромка. Отправил в коридор посуду. Мишка, растирая слезы, попробовал ударить самосвалом. Щегла оттолкнули.

– Не лезь! – ее столкнули на пол. – Коза, приподнимись! – Выволокли диван. Рядов опрокинул «стенку», зазвенело стекло.

– Не надо, ради Бога, не надо. Позвоните...

– Вот к Богу и езжай – он добрый, – съязвил Артем. Женщина поймала его глаза, Артем вздрогнул, не в силах отцепиться от черных зрачков. Ваза выскользнула, рассыпалась блестящими кубиками, а воздух липко налился в уши. Однако в голове отозвалось:

– Поеду! За тебя замолвлю – обманул ты меня... – Детский визг вывел из ступора, Рядов отрывал от матери сына:

– Уймись, сученок!

Артем проморгался, подошел, женщина забито отшатнулась, посмотрев насквозь.

– Что ты сказала? – потребовал он.

– А?.. – не поняла она, машинально завернула паспорт вместе с иконкой в носовой платок и спрятала на груди.

– Кому замолвишь? – надавил Артем. – Шугаешь? Передай Витале – глаз на жопу натяну, если сунется. – Женщина сплела пальцы, заломила руки. Артем попытался переорать детский рев. – Не молчи! – Она испугано заморгала. Артем не унимался. – Так и скажи своему петуху – поняла? – Поняла?! Передашь?!

– Да, – она обреченно кивнула. Боль скрючила ее, и женщина, осев, заплакала. – Я передам...

* * *

Участковый нервно кусал губы. Фуражка сбилась, высокий лоб блестит капельками пота. Слесарь, исполненный пролетарского пофигизма, меняет замок. Понятые затравленно косились то на милиционера, то на женщину с ребенком: Мишка блажить перестал – размазывал сопли и жался к матери. Робко пробирались меж тюков и мебели случайные соседи.

– Распишитесь, – участковый протянул планшетку.

– Здесь? – женщина затравленно посмотрела на служителя закона.

– Ниже! – буркнул тот, ментовский палец ткнул в галочку.

– Простите, у вас не будет ручки? – спросила женщина у понятого, грузного дядьки с красной сеткой капилляров на лице. Он молча отдал дешевую ученическую ручку с обгрызенным концом. В положенном месте появилась крохотная подпись. Женщина будто повисла в воздухе. – Все?

– Все, – подтвердил участковый. Понятой строго посмотрел.

– Ручку верните!

– А?.. Ой, простите! – она спешно отдала ее.

Участковый зашуршал копиркой, выдал блеклую копию.

– Всего доброго, – он приложился к козырьку, толкнул слесаря. – Семеньч, закончил?

– Угу, – пролетарий проверил замок: собачка мягко пробежалась туда-сюда. – Готово, пользуйтесь. – Милиционер дождался кивка Рядова.

– Ну, тогда порядок...

Власть растворилась серым френчем в темноте, сгнули соседи, Рядов шушукался со слесарем – торговался из-за рубля-другого. Артем пытался поддержать Ромкино зубоскальство, но глаза, нет-нет, а возвращались к выселенцам: два плоских силуэта из черной бумаги,

дрожит в руках белый прямоугольник липового протокола. Мальчишка захныкал, запросился в туалет. Женщина растерялась.

– Ну, куда же, Мишенька?

– Да, гадь здесь, – заржал Ромка. – Вон – лифтовая вся в говне...

Женщина затряслась, сжала малыша.

– Зачем?.. – она захлебнулась в Мишкином реве. Ни одна дверь не открылась...

* * *

– Тёма, а что делать, что делать?! – повторял Рома. Рядов подбросил лишь до Покровского парка, обветшавшее здание университета мрачно глядело в спину. На лавочках, невзирая на морось, тосковали шахматисты, старенькие зонтики скрывали седые головы и мысли. – А че! Козу со спиногрызом все равно бы выгнали – почему не мы? Артем молчал, мерил шагом потрескавшийся асфальт. Рома вяло добавил. – Гульденов не хило подняли...

– Не хило, – согласился Артем. На круглой площадке – постамент; там, вместо украденного металлургами Пушкина, грубый крест.

Мэрия обещала воздвигнуть храм... Крепкое дерево успело почернеть, наполниться сокровенным и неисполненным. Рядом, какая-то сумасшедшая с мольбертиком, знай себе, кидает по картону кисть, очерчивая контуры несостоявшейся стройки: луковицы, оконца – будто не видит виноватого креста. Артем приостановился, заглядывая под зонт.

– Бог в помощь! – сказал он. Бледное, почти прозрачное лицо поднялось, светло-серые глаза чиркнули по незнакомцу. Волосы прилипли к щекам, губы посинели, белые пальцы опустили кисть.

– Простите? – не поняла девушка.

– Бог в помощь, – повторил Артем.

– Спасибо, – она смутилась, хлюпнула носом. Серая мышка, ничего примечательного: средний рост, средняя внешность, серые волосы собраны в мышиный хвостик, необъятных размеров водолазный свитер скрывает фигуру. Рома оценил черно-белый стиль.

– Мрачновато. – Предложил небрежно. – Может, развеселимся? – Девушка испуганно зажалась. Лысый не унимался. – Трава есть,... Кто там из ваших ухо резал, Кикасо? Или пивка? – Ромка приобнял художницу. Она забилась.

– Оставь! – Артем подобрал оброненный картон, успел заметить глубокие тени, обволакивающую тьму, редкие белые полосы – правда, мрачновато. Ромка нехотя отстал. Артем подал ей эскиз. – Держи. Не обижайся. – Она молча вернула картон на мольберт. Шмыгнула носом.

– Уйдите... пожалуйста... вы мне мешаете. – Пальцы машинально перебирали кисточки в банке. Ромка попробовал окрыситься, но Артем перебил.

– Уходим-уходим! Прости, черно-белая! – он улынулся.

Ромка фыркнул.

– Мышь!..

Глава 2. Даша.

В школе за глаза величали молю, мама бледность обзывала «аристократической», дальше всех пошла тетя Соня: «Смертушка». Она не обижалась, нечего обижаться – что есть, то есть. В череде смуглых родственников Дашка умудрилась выродиться в бледную поганку. Папа шутил о пробегающем соседе, мама дулась и хваталась за сердце.

Сегодня первой пары не было – позволительно понежиться под одеялом, а не метаться сломя голову. Цокает будильник, Мартен вьет круги, выразительно заглядывает в глаза. Паршивец! – косит, что не покормили. Зажмуришься, уколет седыми усищами: «Не спать!». А вот тебе! Дашка отвернулась, Мартен примирительно замурчал, потерялся об спину. Впустую. Встал передними лапами на ребра, пятки-карандаши больно надавили. Дашка дернулась:

– Уйди!

– Мр-р.

– Уйди, маму доставай.

– Мр-р.

– Сама знаю, что ушла.

– Мр-р, – кот подтянул лапу, невзначай выпустив коготки, извинился. – Мр-р.

Дашка уселась.

– Дурак! – Кот соскочил с дивана, на середине комнаты обернулся.

– Да, иду я, иду, – пообещала Дашка. Втыкаясь спросонья в углы, прошла на кухню. Так и есть – полная миска. Перемешала указательным пальцем сухой корм. Мартен нетерпеливо оттолкнул руку, захрустел. Дашка вздохнула. – Доволен?

– Ур-р, – ответил Мартен. Трещало даже за мохнатыми ушками.

На печи эмалированное ведро с водой, «хвостик» кипятильника покрылся испариной. Рядышком, пожелтевшая от никотина пепельница с тлеющим бычком. Пепельные вкрапления изрыли некогда прозрачное стекло. Дашка выдернула шнур, дотронулась до ведра – сойдет. Обрызгала кота, серебряные капли повисли на черной шерсти, не думая скатываться. Мартен оторвался от завтрака: «Ну, и зачем?».

– Потому что ты наглый, жирный и невоспитанный! – засмеялась Дашка. Мартен фыркнул, усевшись столбиком начал пролизывать переднюю лапу. Стена негодования. Вообще-то, кота звали Мартын, но пять лет назад папа приволок котенка в веселом состоянии, иначе, как в два приема, имя не произносилось.

– Мар... дын, Мар... тен, Мар... тын, – представил он постояльца. «Мартен» понравился – прозвище топорщилось кипящей сталью. Дашка обрела собеседника, а папа получил от мамы.

– Отвернись, – попросила Дашка. – Я не умею языком умыться. – Она задернула ситцевую занавеску и загремела тазиками.

Папка жарил глазунью, синие огоньки обнимали днище сковороды, масло плясало брызгами.

– Не опоздаешь? – он поскреб седую щетину.

– Не-а, – протянула Дашка, на ходу вытирая голову. – Первой пары нет, Сычиха заболела.

– Повезло, – папка уменьшил газ. – Мы, помню, в замок спички вставляли... Есть будешь?

– Угу, – Дашка заглянула через плечо. Желтки растеклись, папка боролся за сохранение последнего. – Ты солил? – Он вскинул брови, что-то поискал на столе, честно признался.

– Не помню. – Увидел кота. – Морда, не помнишь – я солил?

– Мр-р, – Мартен поклевал носом в яичную шелуху у мусорного ведра.

– Значит, не солил, – отец зачерпнул щедрую щепоть, рассеял над сковородой. Дашка мысленно охнула, молча заняла место у окна; на скатерти играли солнечные зайцы – над лысым двором расцветало небо. За покосившимся заборчиком гарцевали соседские гуси, они галдели, совали меж рейками шеи, заглядываясь на чужие крошки. Но из скотины у Гришаевых был только мотоцикл без переднего колеса – папка строил его не один год. В люльке «Урала» гостил пустой газовый баллон, он кочевал по двору, сколько Дашка помнила себя. Папка победил: сковорода ударилась о разделочную доску посреди стола и поделилась завтраком. Оббив лопаточку о чугунный краешек, папка спросил:

- Промокла вчера?
- Угу, – Дашка подула на белок.
- Не обожгись!
- Угу.
- В парке рисовала?
- Угу.
- Мрачно получилось – я видел. Ну да – погода... (Пауза) Саня давно не заходил.
- Да ну его, па!
- Поссорились? – догадался отец. – Не пересолил?
- Поссорились, – Дашка в два глотка ополовинила стакан молока.

Отец удивился:

- Че так?
- Глупый он.
- Цветы таскал...
- Глупый.

Мартен бдел под ногами, иногда трогая хозяйкино бедро: «Дай!». Вскоре у мохнатой морды скопилось крошек. Он их обнюхивал и выпрашивал новые – кошачий спорт. Отец вытер руки кухонным полотенцем, поднялся, выудил в пепельнице бычок посправнее, затрещал огонек – дым спрятался под потолком. Дашка заученно открыла форточку – спорить бесполезно, можно лишь приспособиться. Длинные облака, слой за слоем, потекли на улицу, где перемешались с воплями соседского петуха.

– Давно в суп просится! – сказал отец. Мартен согласился, стрельнув глазами.

* * *

Время сыпалось тонкой струйкой, да и обвалилось. Дашка заметалась по комнате, собирая конспекты.

- Электричка скоро, – отец подлил масла в огонь.
- Где альбом!
- В холодильнике посмотри.
- Ну, па!
- Под телевизором... Будто я до ночи бумагу марал.
- Па!
- Карандаш у получебурека забери, – посоветовал отец. Мартен мял зубами оранжевое дерево.

– Отдай! – Кот негодуяще разжал челюсти. Дашка погрозила кулаком. – Скажи еще что-нибудь. – Мартен хмыкнул и перевалился на другой бок. Далеко засвистел маневровый, забубнила станционная трансляция.

– Через завод беги – автобуса не дождешься, – порекомендовал папка.

– Да, знаю, – отмахнулась Дашка, влезла в мешковатый свитер, завязала шнурки на кедах. Джинсы были длинноваты, поэтому на пятках истрепались. Сумка – через плечо.

- У меня в армии в такой противогаз лежал, – поддел отец.
- Па!
- Лицо запачкай – в тамбуре за своего сойдешь, – хохотнул тот.
- Зато денег не возьмут, – парировала Дашка.
- И то дело! Беги, доча.
- Цом...

Хвостик мечется параллельно земле. Заборы, цеха, разбитый асфальт – мелькают перед глазами. Свысока таращится труба котельной. Шик – услышав гудок электрички на Спутнике, запрыгнуть в последнюю дверь на Океанской. Переезд... Матросики улюлюкают из кузова. Сто метров до перрона. За спиной нарастает гул, перестук. Не оборачиваться! Обдав визгом тормозов и плотным воздухом, электричка втекает на станцию. Тридцать метров. Горячие рельсы пахнут нефтью и каленым железом. Блестят фары локомотива, лыбится нарисованная улыбка. Десять, три, один... Дашка взлетела на перрон, еле увернулась от столба. Зашипел воздух. Она ворвалась в тамбур и повиснув на противоположной двери. Успела!

– Успела? – дворняга приподняла голову. Тонкая шерсть едва скрывала ребра. Дашка показала ей язык и зашла в вагон. Место все-таки нашлось, огромная тетка травила соседей запахом застарелого пота. Попутчики морщились, но привыкали. Даша юркнула к окошку, невзначай отодвигая хозяйственную сумку.

– Простите. – Тетка не ответила, однако воздух завибрировал. Напротив – очкастый субчик сосредоточено изучал газету, но стоило опустить глаза – пялится на коленки. Дашка прикрыла их «противогазной» сумкой, достала альбомчик и карандаш. Тетенька любопытно покосилась. Да, пожалуйста! На бумаге сами собой появились тополя, скамейки, шахматисты. Напрашивался дождь, но Даша упрямо остановила карандаш. Стало совестно перед крестом за фантазерское предательство: глядеть на него и рисовать другое – подло. В четыре движения легли контуры постамента, резкие уверенные линии заслонили деревья. Он получился непропорционально большим, видимый почти сбоку. Дура – все испортила! Дашка перевернула страничку и принялась за мультяшных бурундуков...

Тум-дум, дум-дум... Меняются люди, запахи; мешаются характеры. Похрапывание обрывается хохотом, стучат двери. Тум-дум, дум-дум... Электричка выскочила из леса. Низкое солнце пускает «блинчики», лучи отскакивают от морской ряби и запрыгивают в окна. Дашка зажмурилась. Бегут назад камешки, лодочные гаражи посматривают на буруны. Недоразумением топорщится остров Коврижка. Тум-дум, дум-дум...

– Художница? – вкрадчиво поинтересовалась тетка.

– А? – Дашка оторвалась от окна.

– Художница? – повторила женщина, для дурочки, ткнула пальцем в альбом. Даша пожалала плечами, постаралась не обидеть.

– Так... Гидролог... Учусь.

– Гидролог? – удивилась тетя. – А что за зверь?

– Я не знаю, – ошарашила Дашка. Тетка поджала губы. Ну и пусть, если, правда, не понимаю. Дашка обернулась на тамбур. Зашел усталый дяденька.

– Газеты, журналы, кроссворды!.. – Дворняга попытался сунуться следом, но получил по носу дверью-гильотиной. Пес сделал стойку, царапая стекло. – Газеты, журналы, кроссворды!.. – Дашка вернулась к альбому, блудливый взгляд очкарика юркнул под газету. Жалко псена! Домой, наверное, едет – из отпуска. Дашка широко улыбнулась, перевернула бурундуков и набросала кабысдоха: пожирнее, с прямоугольником на шее – «проездной». На листе псу было весело и уютно. – Газеты, журналы, кроссворды!..

Вокзал кипел, чайками накинудись таксисты.

– До центра!

– Мы в центре, дяденька! – парировала Дашка, прижав сумку к груди, чтоб не оторвали. Таксист хмыкнул, прожег спину взглядом. Дашку проглотил трамвай, попробовал переварить, но не успел – она выскочила на Покровском парке, уцепилась за горстку прогульщиков на пешеходной зебре. Дамы сонно пахли парфюмом, пацаны курили на ходу – играли в спешку. На другой стороне, под главным корпусом, давилась бутербродом Ленка Фомичева. Увидев Дашку, она помахала рукой. Ну да! – кричать не интеллигентно, а жрать под тошниловкой кошатинку можно. Дашка погладила сумку, псу в альбоме нравилось.

– Дуся, опаздываешь! – Ленка брезгливо потрясла пальцами, стряхивая кетчуп. – Платок есть?

Дашка порылась в сумке, достала салфетку.

– Вот! – Ленка вытерлась, бросила бумажный катыш в урну. Не попала, криволапая. Заметила край альбома:

– Не лень таскать?

Дашка пожала плечами.

– А тебе трусы таскать не надоело?

– Фу, дура! – «Фома» надула губы, небрежно заправила за ухо обесцвеченный локон. Взглянув за портфель двумя руками, он повис над голыми бедрами. – Сашка про тебя спрашивал.

– Ну, его...

– Поссорились?

– Вот еще! – вскипела Дашка. – Надоел.

– Он ровненький такой...

– Забирай!

– Нафига? – я баба чейная! – Фома показала серебряное колечко.

– Мне он тоже ни к чему.

– Думаешь? – Ленка притязательно осмотрела ее серый свитер и джинсы. Примирилась. – Тебе виднее. Пойдем?

В огромной аудитории, куда по недоразумению воткнули два потока, дебютировал молоденький аспирант. Он сбивчиво рассказывал о плотности, вставляя меж уравнениями «таким образом, посмотрим». Никто не смотрел, но большинство пользовалось неавторитетностью докладчика: кто-то досыпал, кто-то трепался, кто-то тупо уставился в окно. Даша выручила собаку: из-под потрепанной обложки показался блеклый нос – она намеревалась сделать его теплым и мокрым.

Фома вытянула шею.

– Хорошенький! – она, подложив под щеку руки, легла на стол.

– Угу. – Дашка прорисовала края. Пес растворился на листе – черное пятно на переднем плане. Дашка поспешила подретушировать шерсть – пропажа нашлась.

– Блох бы ему, – посоветовала Фома.

– Жалко, – Дашка, тем не менее, обозначила на лапе три жирные точки. Пес прокусывал меж волосками.

– И колбасы... Ребра одни!

– Фома, не мешай! – вспылила Дашка. Ленка хмыкнула.

– Фома, Фома! – зашипели сзади. Девчонки обернулись.

– Чего тебе?

– У Бяши день рождения – с вас пузырь! – Громыко довольно ощерился.

– Да ну! – удивилась Ленка.

– В шесть на набережной, у фонтана. Вперед передайте. Про пузырь не забудьте.

– Я не пью, – напомнила Дашка.

– Хоть не ешь, – отрезал Громыко. – Че, пузыря жалко?

– Не жалко, денег – на электричку.

– В городе переночуешь, а завтра мы для тебя соберем.
– Ага, соберете вы, – засомневалась Даша.
– Бутылки сдадим, – захихикал Громыко. – И вообще, вдруг я тебя победю. У меня предки в деревне.

– У тебя мозг в деревне, – отшила Дашка.
– Дура, какого парня потеряла...

Даша не выдержала: двинула нахала линейкой. Громыко увернулся, подвывая, как Брюс Ли.

– Че, резкий?
– Ловкий – дети будут.
– Их утопить бы, Громыко... – Дашка достала-таки его.
– Лохудра!
– Козел!
– Девушка! – надломанный голос аспиранта заставил остановиться.
– А? – Дашка развернулась, роняя учебники.

– Я вам не помешал? – аспирант надулся мужественностью, но, поймав с десяток нагло-ватых взглядов, стусевался. – Как ваша фамилия?

– Гришаева, – омрачилась Дашка.
– Курс?
– Двести одиннадцать.

– Вам не интересно? – Дашка недоуменно пожала плечами: странный вопрос – кому тут интересно? Аспирант пролистнул журнал, подрядился, что делать с графой. Наконец, захлопнул талмуд. – И что мне с вами делать?

«Выручил» Сашка:

– Павел Андреевич, она совершеннолетняя... – Окна задрожали от смеха, Дашка поймала лукавый взгляд бывшего хахала, сверкнула глазами. Саня заплакал в конспект. Аспирант опешил, не нашел ничего умнее, как схватиться за мел. Рука крошила буквы: иксы, игреки, квадратные корни; его уши побагровели – снизу-вверх, сверху-вниз, пена формул накрыла голову преподавателя.

– Таким образом...

– Каким, позвольте уточнить? – Сашка привстал над партой, зал застонал. Дашка глубоко задышала; Фома, показав отставному хахалу кулак, одернула:

– Ну, его, Дуся!
– Ну! – Дашка опала на скамью.

– Дворнягу лучше дорисовывай. – Фома пододвинула рассыпавшийся альбом, скользнула глазами по листам. Воскликнула шепотом. – Ой, могила!

– Сама могила – крест! – Даша спешно собрала листы, затолкала под картон. Фома наклонила голову.

– В парке, что ли? – догадалась она, заметив после паузы. – Великоват...
– Нормально.

– Эх, Дуся, скучно тебе без мужика! – захихикала Ленка.
– Обойдусь.

– Эдак через год крест над деревьями вырастет.
– Совсем со своим Фрейдом с ума сошла.

– Саня вон как бесится...

– Спермотоксикоз у него, кол садовый – пусть мочалок дрючит, – зло кинула Даша, Саня отвернулся. Аудитория потихоньку успокоилась: баюкает аспирант, поскрипывает мел под гундосое бормотание. Между партами бродит листок приготовлений; народ вписывает пожертво-

вания на Бяшин балдеж. С небольшой заминкой он вернулся к Громыко. Парень уткнулся носом в расчеты, вскоре довольно оторвался.

– Нормально!

– Что, Громыко, опять облюешья? – съязвила Фома.

– Еще как, Ленусь. Только ваших фамилий не вижу. Съезжаете что ли? Гоните на фуфурь.

– С меня «Амаретта», – пообещала Фома. Громыко кивнул, вывел, высунув язык:

– «Амаретта» – Фома... Так! Что-то никто гандонов не несет...

– Тебя хватит, гандоновая фабрика! – Фома цыкнула сквозь зубы. Дашка ничего не слышала, два листа не желали прятаться вместе. Собакин лез из-под креста, давился духотой. Дашка пожалела его, перевернула... набросок парковой площади остался в руках. Грифельные разводы долбили нарисованный асфальт, крест обрекал присутствием – могила на перекрестке. Могила... Ой! Лист попробовал упасть, Дашка подхватила уголок пальцами, уложила рисунок тыльной стороной. Домой: вот так – подальше от бурундуков и зайцев. Заполыхало левое ухо, она подняла глаза. Саня. Чертит ручкой по парте, зло щурится.

– Птенец! – прошипела Даша еле слышно.

– Целка, бл! – нарисовали Сашкины губы.

– Таким образом... – Звонок опрокинул сонное царство.

* * *

– Не бесись, Дуся! – огрызнулась Фома.

– Чего он? – Дашка покосилась на хачиков: вьются вокруг фонтана, раздевая глазами Фомичеву. Ленка красивая, а с пузатой бутылкой «Амаретты» – вдвойне.

– Дала бы Сашке... Ровенький.

– Пошел он, – Даша сорвалась на джигитах. – Чего надо!

Эхом отозвалось.

– Бл. – Фома хохотнула:

– Вот именно, злая, как собака – взорвешься без мужика.

– Лен! – взмолилась Дашка.

– Согласна, на курсе искать бессмысленно – дети. Хотя, у Громыко хата...

– Лен!

– Девчонки, поехали в баню? – предложили brutальные пацаны в спортивных костюмах. Ленка обняла бутылку, оценивая самцов.

– Мы умывались! – отрезала она. Мальчики, отпрянули. Фома поежилась. – Ну, где они? Чувствую себя, как на панели. Хорошо тебе в штанах...

– Угу, – согласилась Даша. Еще хорошо было без раскраски и с лошадиным хвостиком на затылке. Ленка одернула юбку, будто двадцать сантиметров ткани могут достать колен... Дашка прищурилась на солнце. Люди забавные, бродят вперемешку с чайками. Пары картинно жмутся, наигранно радуются, папашки, нет-нет, огладят взглядом бедра ничейных дам. Вокруг стоят машины, тревожные, по-детски стеснительные мужчины оценивают дамочек покупательским взглядом. Пиво – рекой, мороженное – всмятку, вдоль дефиле – мангальный ряд. Румянится и вонюче режет ноздри кошачья шаурма. Зверьки в альбоме заволновались. Даша погладила сумку, особенно досталось псу, память о Мартене ревниво выпустила когти. – Лен, есть жетон?

– Чего? – затормозила Фома.

– Отцу позвоню, что задержусь.

– Подожди, – Фома покопалась в кармане курточки, выудила мелочь вперемешку с мусором. Протянула Дашке. – Один. Телефон на «Динамо». Только недолго – кобели разорвут: ты их хоть как-то отпугнешь. Хе-хе!

– Дура! – Дашка смахнула жетон.

Отец долго не подходил. Мартен, наверное, раздумывает взять или нет. Не дай то бог раскусят! Даша улыбнулась, представила котяру с пультом от телевизора. Нет, он не подойдет. Себе дороже – люди присядут на шею, прощай корм и кошачий пенсион.

– Гришаев! – ответил отец, закашлял в трубку.

– Па?

– Ты, двоечница?

– Я.

– Как дела?

– Да, нормально, па. Я не про это...

– Ох, ты! – удивился отец. – Я думал, хочешь меня про здоровье спросить.

Даша закусила губу, отец выручил.

– Ладно, не грузись, зайчонок. Что хотела?

Она собралась с духом.

– Я поздно приду...

Отец безмолвно проглотил, Дашка поторопилась объясниться.

– У Бяши... то есть у Славки Бекова день рождения...

– Однокурсник, что ли?

– Угу.

– Саня будет?

– Ну, па! – возмутилась Даша.

– Цыц, мелкота! – осадил отец. Даша послушалась. – Правила знаешь: не бухать, не курить, ночевать домой...

– Я у Ленки Фомичевой переночую! – влезла она.

– Че-о? – папа откровенно опешил. – Домой, в стойло!

– Па, – захныкала Дашка. – Ребята смеются...

– Пускай хоть какают – домой!

– Ну, па, электрички до десяти.

– На троллейбусе доедешь. Саша погрузит – я встречу. – Она представила: ветер рвет жиденькие волосы на отцовском черепе, а он всматривается в пустую дорогу – отбрехиваются от мглы фонари. Сердце защемило. Она сдалась.

– Угу.

– Молодец. Целую. Мамке не говорила?

– Нет.

– Вдвое молодец – сам успокою. Мартен, вон, привет передает...

– Пока, – пробурчала Дашка, ударив трубкой о рычаг. Мартен, наверное, потрогал отцов тапок, глядя с сожалением...

Вокруг Ленки ничего не изменилось: фонтан, как центр водоворота – пары еще не перемешались, но вечер недалече. Еще видны детишки с сахарной ватой и шариками. Зато у пивного павильона нарисовался стол с караоке, парнишка отчаянно рвет горло:

– Кольщик нака-али мне купола-а!.. – подвывает певец. – Рядом православный крест с иконами-и!.. – Подруга исполнителя гордо оглядывается на солидную очередь. Даша отступила от телефона-автомата...

– Привет, черно-белая!

Даша обернулась. Высокий парень с кулаками-кирпичами, одно плечо чуть выше другого, черная кожаная куртка, джинсы-пирамиды. Сухое дубленое лицо с неожиданно живыми серо-зелеными глазами. В них мелькнуло лукавство:

– Не узнаешь?

– С чего это? – соврала она. Вон и лысый, легок на помине... мышью обзывался.

– Меня Артем зовут, – представился парень. Хорошо – руки не протянул.

– И что? – Дашка встала в позу, поискала глазами Ленку.

– Ничего, – Артем пожал плечами. – Отдыхаешь?

– Работаю!

Лысый скучно пялится по сторонам, хрустит жестяная банка в пятерне. Дашка сделала попытку уйти. Напряглась – вдруг остановят. Ни слова! – даже немного жаль.

– У друга день рождения, – кинула она через плечо. Артем заиграл желваками, отвернулся к морю. Лысый тут как тут:

– Хочешь, мы его уьем? – он участливо заглянул в глаза. – Вдруг надоел...

Дашка не выдержала, ускоряя шаг...

– Кто это, Дашка? – Ленка загляделась на тревожную парочку. Впервые за два года не обозвалась Дусей. – Фу, страшные какие!

– Обычные... – Дашка втуне согласилась.

– Ни фига, не обычные! Откуда их знаешь? – прилипла Фома.

– В парке прицепились. – Даша уточнила. – Вчера.

Фома округлила глаза:

– И что?!!

Дашка оглядела подругу с ног до головы – ладная, ухоженная.

– Отплялили меня вдвоем! – неожиданно всплыла она. Ленка уронила челюсть: тарачится на Дашку, на кожаные спины.

– А ты? – прошептала она. Дашка прыснула:

– Получила удовольствие!.. Фома, не мели ерунды. Поговорили – расстались! Нахрена мне отморозки – есть Санечка: отличник, гитарист... Хрен озабоченный.

– Дура! – Фома надулась, переложив бутылку в левую руку. – Где их носит?!!

С моря подул, с бризом нарисовался Громыко.

– Вы чего здесь, снимаетесь что-ли? – он виртуозно отобрал бутылку. – Наши на песке – литр доедают. Фома, обожаю тебя...

– Вроде Дашку собрался побеждать? – огрызнулась Ленка.

– Ее победишь... Идемте! Бяша обижается...

Песок делили с вечерним приливом, вода несмело подбиралась к ногам, цеплялась за пустые бутылки и целлофан. Девчонки визжали. Бяша наотмечался – расхристанное тело разметалось ангелом. Лавка заставлена остатками фуршета: пластиковые стаканчики, салатки и доза ядовитого «Юпи». Суровая бабулька поодаль метала молнии, но заставляла паучка-пики-неса откладывать какашки. Псен греб, но стремился к коллективу. Дашку с Ленкой встретили складным ревом:

– Где вы, блин, ходите? – Отобрали ликер; стаканчики сдвинуты на центр; разлили густую жидкость. Запахло горелой вишней.

– Эх, богато!

– Италия, едрить!

– Фома, ты чудо!

– Может, и Мальбара есть?

– Вздоргнем!

– Бяша, с новым годом! – Светка Тимохина толкнула именинника каблучком. Тот повернулся на бок, собрав покрывало, махнул рукой:

– Гр-р!

– Одобрено! – перевел Громыко. Чокнулись. Выпили. Каждый замер, не упуская послевкусия. Первым оценил Саня:

– Даже запивать не надо.

– Точно! Сироп! – поддержали его. Но «сироп» быстро кончился, начали снаряжать гонца за водкой – Громыко зашелестел подарочными деньгами.

– Скажем Бяше – по пьяни потерял, – предложил он. Дашка незаметно оказалась за кругом, буза шла мимо. Стаканчик опрокинулся. Она вынула альбом, положила на колени. Проверила пса – в порядке. Царапнула ногтем лохматую морду.

– Не грусти! – Море обогнуло закатное солнце, в сиреневой дымке утонули острова, свет сломался в облаках, превратил воду в расплавленную платину – вечер просится на карандаш. Дашка поделила лист, линия провисла, в фокусе вогнутой линзы – солнечный круг. Покопалась в коробочке с мелками – жестяная банка из-под монпансье вмещала уйму обломков. Пальцы перебирают камни: этот треугольный – зеленый, цилиндр с косым срезом – красный, бесформенная галька – желтый... Дашка торопилась, жадно ловила тускнеющие краски.

– Филонишь? – Сашка оставил гитару, усевшись на песок, показал глазами на пятно ликера. Дашка закусила губу – не до тебя! Вечер уплывал, от секунды к секунде готовился заполниться чернилами. Какой?! Даша в панике схватила мелок, набросала трещину света. Закат остановился. Вот так! Солнышко, вода, запредельные контуры берега – потусторонний мир. Воздух густеет, янтарь навсегда фотографирует песок, воду, причальную стенку, ребята застывают с поднятыми бокалами и открытыми ртами. Даже этот похотливый болван...

– Даш!.. – позвал Саня.

– Не дам! – отразила Дашка.

– Чего ты? – Она неохотно покинула горизонт, пронзила холодом:

– Не мешай! – Саня сдулся до размеров мошки, набережная – картонная поделка, а единственно реальный – альбомный лист. Звуковой галлюцинацией толчется: «Моя ви-ишневая девятка». И голос Димки Сомова: «Не трогай ты блаженную. Сыграйте, Шура!». Ленка ладно кроет матом... Дашка сделала над собой усилие. – Не мешай... Пожалуйста... – надавила паузой. – Потом, ладно? – Белые пальцы, сжав шепотью сиреневый мелок, безучастно рассыпали крошки поверх островов...

Саня посмотрел с ненавистью, губы капризно сжались.

– Тварь!

Ребята притихли, Дашка безразлично кинула.

– Хорошо... – И все: Санечки не стало – крикливый карлик за толстым стеклом. Ребята здесь, а он там. Фома пинает гитару, шипит протяжно: «Козлице»! Пацаны тащат его за куртку и опрокидывают рядом с Бяшей. Он плачет...

Дашка собрала мелки; сдув песчинки, отряхнула с альбома воду; грифель не потек. Мокрый пес скулит из-под бурундуков. Попрощалось солнце, огромный зрачок закатился за край. Ветер легко пронзил плотную вязку свитера. Дашка упаковала сумку, подошла к «столу», нашла стаканчик с водкой и лихо замахнула – впервые в жизни. Легче не стало, тошнотворная сивуха попросилась обратно. Сомов сунул в руки бутылку «Юпи»:

– Запей! – Дашка послушалась.

– Нормально?

– Угу.

– Точно? – Сомов заглянул в лицо.

– Да, нормально, – Дашка шмыгнула носом. – Спасибо, Дим.

– Пожалуйста, – буркнул тот. – Голову запрокинь!

– А?..

– Кровь, – Сомов протянул грязную салфетку. Ее перехватила Фома и намочила в море.

– Ну, Дуся! – она оглянулась на Саню, не глядя, умыла Дашку, попыталась оттереть свитер. Серые волокна впитали кровь – без пятна не обошлось. Остыв, подметила. – На вампира похожа.

– А?..

– Стой так, еще намочу. – Ленка побежала к воде. Дашка покосилась: подруга провалилась на шпильках, но умудрялась делать это элегантно. Вернулась. – Кому сказала, не шевелись! – Фома стерла капельки с подбородка. Вода холодная, колючая. – На, приложи к переносице.

– Угу.

– Полное «угу», дураки влюбленные.

– Сама ты...

– Да, знаю я – вырвалось. – Ленка приобняла за плечо. – Сумасшедшая ты, Дуся. – Дашка не обиделась... Праздника, как такового, не стало: пробовали раскочкаться – натянутое хихиканье радости не принесло. Постепенно курс раскололся на крошки – по темным углам, да по домам. Фома предложила Дашке:

– Ко мне?

– Не-а, я домой, – Даша качнула головой в сторону вокзала.

– Акстись, Дуся! – электрички до десяти, – Ленка продемонстрировала часики.

– На троллейбусе – «шестерка» до двенадцати.

Город расцвел огнями, будто фотография салюта, самородком пылал кинотеатр «Океан». Под фонтаном пунцово светились стопари автомобилей – шел съем. Страсти выползали из дневных приютов.

– Доиграешься, – покачала головой Ленка.

– Кому я нужна? – удивилась Дашка, показала разбитый нос.

– Знаешь, Дуся, даже некрофилы бывают...

– Дура! – засмеялась Дашка; Ленка увернулась от сумки. Ребята бойко собрали мусор – объедки в урну, бутылки оставили бомжам. Наконец, Громыко скомандовал:

– Чиксы – в круг. Самцы – в каре. Идем ко мне! Парням не обязательно. – Засмеялись, Дашка робко вставила:

– Мне домой. – Громыко поглядел с сожалением:

– Не победу?

– Был тут один... победитель, – съязвила Ленка, нашла за спинами угрюмого Сашку.

Громыко замахал руками.

– Не очень-то хотелось, – гаркнул, что есть сил. – Выходи строиться! Бяшу не забудьте!

* * *

Дашку провожали всей группой; троллейбус дремал вполне на пустой остановке. Никого, только под зашторенными ларьками сладко посапывает бомж.

– Фома, хоть ты пойдешь ко мне? – Громыко сально засветился.

– Женись! – предложила Ленка.

Громыко почесал затылок.

– Давай просто полежим?

– Давай, Дусю отвезу и вернусь – в душ сходи.

– Врешь?

– Вру, – Фома невинно хлопнула глазами.

– За что люблю тебя, Фомка – враль умелая. Я прэльесть?

– Конечно, Громыко. Мечтаю, но, боюсь – недостойная.

– Дстойная, дстойная... О, свет дали! – Громько показал на троллейбус. Тот заурчал двигателем, с грохотом растворяя двери. Половина группы шумно впала в салон, прилипла к окнам, прощаясь с остальными. Дашка смотрела в другую сторону. Тронулись. Троллейбус вывалился с Фокина, натужно покотился в гору по Океанскому проспекту. Вязко потекли назад дома, фонари и редкие парочки. За спиной смеялись. Дашка помяла клапан сумки, с трудом удерживаясь, чтобы не достать альбом – и в правду, сумасшедшая. Легла щекой на стекло. Троллейбус притормозил на Прапорщика Комарова – буквально на секунду – отвалил от бордюра, как от причальной стенки. За кафе «Пингвин» он повернул направо, подъем градусов на тридцать преодолел со скоростью пешехода. Вдруг Ленка подскочила, показала на Покровский парк:

– Глядите, больной какой-то! – Ребята кинулись к окнам, чуть не перевернув троллейбус.

– Ужралось... чудо!.. – Дашка повернулась без интереса. Сердце екнуло. Странное имя: жилистая рука тянет огромный лук: «Ар-р...», тетива режет пальцы, трещат жилы, на грани срывается струна «Тем-м-м» – стрела в горле по оперенье. Дашка вытянула шею. Креста почти не видно, тополя едва пускают блики. Артем черен, как падший ангел – обнял крест. Плечи перекладыны вот-вот сомкнуться на спине. У подножия – бутылка водки, призрачно блестят стеклянные брызги. Кто-то из пацанов, встав на кресло, заулюлюкал в форточку:

– Урод, не поломай!!! – ребята дружно заржали. Дашка кусала губы, давила пальцами поручень, будто ватный. Троллейбус перевалил подъем, повернул на Партизанский проспект, здесь фонарей полно – оградка парка оттолкнула глубокую стену деревьев. Даша напряглась – не видно, но на сетчатке отчеканился согнутый в три погибели человек. Сам собой в руках оказался альбом, пальцы суетливо перебрасывают листы.

– Дуся? – забеспокоилась Фома. Дашка не услышала. Вот, нашла! Заштрихованы до царапин тополя, крест грозит вырасти до вершин – чушь! Конечно, чушь – он маленький, крохотный: еле до плеча. Показалось, в глубокой карандашной тени проступает фигура, обтекает углы. Ар-р – ноздри тянут лошадиный пот, металлический привкус; вопит под копытами степь – Тем-м!.. Фома заглянула через плечо:

– Сумасшедшая ты, Дуся, сумасшедшая!

Глава 3. Артем.

Детство томило медом, комсомольская юность – грейпфрутовой горечью. Зрелость... Скучная станция с щемотой в груди, будто не успеваешь запрыгнуть на подножку экспресса. Сидя под часами, потешаешься над бегущими, злорадствуешь, если кого затащило под колеса, клюешь себя: «Вот-вот, притормозит – запрыгну». Не тормозит... Ромка вернулся с чебуреками.

– Держи, Азат привет передает.

– Лучше б денег передал, – Артем принял жареный «лопух», обжигаясь, откусил. По подбородку потек мясной сок. – Блин! – Утерся рукавом. – Долго еще ждать? – Ромка бухнулся на лавку, смятый пакет полетел мимо урны.

– А я знаю? – он вытянул ноги. – Покурить бы... – Сосредоточено смаковали подгон татарина.

– Башка трещит, – пожаловался Артем. – Чем бы комок размять?

– Я говорил: бухло от дьявола, трава – от Бога, – вставил Ромка.

– Хиппи, блин. Попроси, чтобы волосы выдали. – Артем стряхнул с пальцев жир, нашелся – вытер об лавку.

– Зачем они мне? – сморщился Ромка.

– Пробором зачесывать, страшилище.

– Пробором... А что за дракон вчера крест пугал? – Мимо: бомжи, менты, торгашки в засаленных фартуках, очкарик приторговывает газетой. Под виадуком ползают электрички. Таксисты спартанской фалангой перегораживают мост, ревниво «пилят» опассажиренных частников. Помойные голуби сражаются под ларьками и мангалами. Ночь для нескольких бухарей еще не закончилась – вымогают свежие «фонари» от попутчиков.

– Ну, его, Засранца, поехали к бабе Нине, – предложил Артем.

– Успеет. Гульденов нема.

– Что тех гульденов?

– Пять сотен.

– Чувствую, обернутся они...

– А че делать, Тёма, че делать? – Ромка привычно развел руками. Товарки покосились. Делать нечего – тут Мефистофель прав. Ромка поправил спортивную сумку. – Может, по пивку, беспризорник?

– Не может! – Артем проводил глазами почтовый поезд. Спекулянты заволновались, оглядываясь, поскакали к платформе. Кивнул. – Наш?

– Наш. – Ромка встал, окинул взглядом парковку. – Где Засранец? Без машины палево.

– Жить так палево! – буркнул Артем, закрыл глаза, с Золотого Рога потянул дизельный смрад – вояки проворачивали механизмы. Еле слышно Артем прошептал. – Что я делаю?..

Рядов приехал минут через десять, когда на платформе всю перла разгрузка. Грузчики услужливо подкатывали тележки, из вагонов летели ящики-баулы, крикливые барышни и мордатые интеллигенты делили места: визжало, плакало и материлось.

– Поперло барыжье счастье! – обрадовался Ромка.

– Где он, видишь его? – спросил Артем. Рядов привстал на ограждение, перегнулся.

– Да, вон он, в «варенке». С усами.

– Грач?

– Кто? – изумился Рядов.

– Черный?

– Фиг с ним – лишь бы не голубой, – хихикнул Ромка, пригубил протеина из баночки.

– Азер, кажется, – предположил Рядов; спрыгнув на тротуар, сунул руки в карманы. – Ну что, беретесь?

– Три сотни маловато, – начал Артем.

– Разговор был о пяти, – поддержал Рома. Рядов многозначительно наморщил лоб.

– Андрей Юрьич...

– Ясно – зажал! – закончил Ромка. – Две сотни на покупку дома в Альбукерке не хватило. Рядов покраснел, ткнул в грудь указательным пальцем.

– Ты...

– Еще раз так сделаешь, Джоник – палец сломаю, – пообещал Артем. Рядов спрятал палец в кулак. Ромка повесил ему на руку сумку.

– Барин, присмотри. Только не уезжай без нас – у меня там каша.

– Какая каша? – опешил Рядов.

– Гречневая, с мясом, – признался Рома. – В банке.

– Нафига?

– Гы, Джоник – а че делать, че делать? – Они собрались уходить, Рядов путаясь в сумке, напомнил:

– Завтра на собрании его быть не должно. – Артему приспичило охолодить его:

– А давай наглушняк? – Рядов взбледнул.

– Как?..

– А че, Джоник, триста долларей – деньги хорошие, – объяснил Ромка. Рядов беззвучно открыл рот. Ромка развил тему:

– Поймают, все не зря – сидеть хорошо будем, тебя комсоргом в лагере сделают. Выйдем – по сотне зеленых на брата. – Рядов сообразил, кто будет третьим, сплюнул в сторону:

– Ну вас!

– Да я ж не с-сука – молчать не буду! – мрачно пообещал Ромка.

– Козе понятно, – Артем потянул товарища к виадуку. Метров через пятьдесят Ромка прошипел.

– Скрысил две сотни, козлина.

– Да понятно, – Артем уже искал в толчее злополучного кавказца. Из норки тоненько пропела совесть. – Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом...

– Чего? – Ромка таращился на горы иностранного добра.

– Ничего.

– Гляди, Тёма, Камел грузят....

– Вот он, – Артем тронул друга за плечо. – Иди за угол. К туалету.

– Как?

– Спугнем – он тревожный, – объяснил Артем. – Там подцепишь.

– Яволь! – Ромка ссутулился – спина колесом, уши под воротником – залавировал между тележками. Проурчал моторами кар: грохочет цепь тележек, счастливые обладатели тюков сидят поверх добра, как беженцы в Гражданскую. Потрепанный вагоновожатый хрипит на тетку с золотым скорпионом на шее. Джинсовая спина гарцует у пирамиды коробок...

– Ваган Эдикович?

Мужчина дернулся – в руках два блока сигарет – развернулся.

– А? – Куртка раздулась, из-под ворота выглядывает свитер плотной вязки, над орлиным носом – бейсболка «Калифорния». Спортивные штаны и солидные туфли: поверх глянца лунная пыль.

– Ваган Эдикович? – повторил Артем.

– Вага, что случилось? – женщина оставила в покое вагоновожатого.

– Что? – мужчина встопорщил усы, заложив руки за спину.

– Мне сказали, что я могу с вами поговорить...

- Вага, кто это? – женщина двинула бюстом.
- Я простите, по поводу КТП, у нас свет...
- Приходите в правление! – мужчина приготовился отвернуться.
- Но, простите... У меня электричка через час, а вы здесь... – Артем униженно сжался.
- Вага, Артур не может ждать! – женщина заслонила бюстом свет. – Чего вы хотели?
- Лана, не мешай! – мужчина добавил что-то на своем языке, женщина надула губы, горланно ответила, заламывая руки. Он переключился на русский. – В правление! некогда здесь!
- Электричка... – повторил Артем затравленно. – Может, здесь договоримся? Я же понимаю, не бесплатно... – Мужчина заиграл глазами, сдался:
- Только быстро, ты с какого участка?
- Сто восемнадцать, у нас линия старая, мы бы хотели подсоединиться к вашему товариществу. Ольга Николаевна говорит – вы иногда позволяете. У меня семья...
- Семья, – повторил мужчина. Заиграл под черепушкой арифмометром. Родил. – Три сотни!
- Спасибо, Ваган Эдикович! Конечно! А какие бумаги? – Мужчина снисходительно посмотрел, как Артем суетит по карманам. – С бумагами сам сделаю.
- Вага, ты долго станешь болтать! – не выдержала женщина.
- Ай, женщина, не мешай!
- Артем выудил, наконец, деньги, протянул ладонь. Ваган Эдикович опешил, разглядывая мятые бумажки, позволил себе улыбнуться.
- Ты что, дурак?! Баксы давай! – Баксы, будут тебе баксы – отольются серебром...
- Баксы? – Артем жалобно приподнял брови.
- Баксы, баксы. Нет – проваливай, пожалуйста – некогда мне! Придешь, когда заработаешь. – Артем унижено переступил с ноги на ногу:
- Рублями никак? Откуда у меня доллары?
- Хочешь свет – плати, денег нет – сиди без света.
- Семья у меня...
- Эй, ты дурак? Посмотри, какая у меня семья, – Ваган Эдикович показал горластую жену. Артем покосился на угол – Ромка выглядывал из-за вокзального туалета – обреченно махнул рукой:
- Ладно... – Армян обтер ладонь о штанину – готовится принимать мзду. Артем трясущимися пальцами передал сотку из «гонорара». Волосатая ладошка «слизнула» денежку.
- Другие у жены, – завиноватился Артем, показал на угол. – Там. Пойдемте, заодно заявление... – Не давая возразить, переспросил. – А электрик ваш?
- Сам включай – только денег давай, – отрезал председатель дачного кооператива. Но за Артемом шагнул.
- Вага, ты куда! – увязалась жена. – Артур...
- Скажи, пусть подождет. Я доплачу.
- Чего ты заплатишь, откуда деньги, Вага?
- Цыц, женщина! – он вырвал рукав...
- Вонь туалета охраняла безлюдье: Ромка вполоборота, да женщина в годах с сумкой-раскладушкой. Артем зашел за угол первым, отметил, что председатель не отстал.
- Валя, доставай деньги, мы договорились! – сказал он женщине. Та обернулась, глупо хлопая ресницами.
- Простите?.. – За спиной вкнутли, Ромка смел армянина, придавив к стене. В ладонь скользнула арматура.
- Долги надо отдавать...
- Председатель скрутился ежиком, подвывая от каждого удара.
- Ай, больно, а-а-а! – С его ноги слетел ботинок. – А-а-а!

- Что, урюк, любишь деньги? – под арматурой хрустнуло.
- Ай, мама-а! – Артем вытряхнул из кошелька купюры, пробил карманы, Ромка вскинул брови – небрежная пачка ассигнаций.
- Отдельно – авансированный президент Франклин. Ромка уцепился за перстень.
- Брось! – Артем рассовал трофеи, откинул арматуру, в довесок пнул трясущееся тело.
- Брюл! Наташке подарю! – возразил Ромка.
- Брось! – Артем оторвал друга.
- Ах!
- Они обернулись – псы над трупом. Жена армянина округлила глаза.
- Вага!.. – истошно заорала. – Вага!!!
- Заткнись, с-сука! – Ромка заозирался – чисто. Хлестко врезал в нос, она запрокинулась, захлебнулась: «Вага-а»!
- Помогите! – Ваган Эдикович шептал без малого акцента. – Помогите!
- Бог поможет, – пообещал Артем, наклонился низко-низко, выдохнул в волосатое ухо. – Долг отдай, в следующий раз – убью!
- Кому-у?! – заплакал армянин.
- Сдохнешь, грач! Лысый, ходу!

* * *

Рядов крутит руль, глаза – в зеркале заднего вида. Машину кидает по провалам; отзывается задняя правая стойка. Артем прислонился к стеклу; клопочет сердце; Ромка стучит ложкой: от стресса – жор; гречка кисло пованивает. Или это пот? Остов памятника Дзержинскому, ДВИСТ, «Пингвин» – «Корона» юзом входит в поворот. Ромка поперхнулся, оплевав переднее сидение.

- Полегче!
- Не трясись ты, проехали, – устало посоветовал Артем. Рядов послушался, машина пошла тише.
- К старухе? – поинтересовался он.
- К ней, – кивнул Артем.
- Когда с ней?.. Полгода возитесь... – Артем с Ромкой переглянулись – Лысый хмыкнул.
- Рядов не понял:
- Чего?
- Ромка подмигнул.
- Крепкая – вчера холодильник на спине снесла, – объяснил Артем.
- Ромка поддакнул:
- Блокаду пережила.
- Рядов подрулил к обочине, припарковался, над подголовником показалось лицо-сковорода.
- Юрьевич ругается, подрядчики простаивают. Покупатель вроде нарисовался. – Ромка выскоблил остатки гречки, облизал ложку:
- Сочувствую – быстрее только топором.
- Юрьич загрыз.
- Джоник, а че делать, че делать? – Ромка честно уставился на Рядова. Артем открыл дверь.
- Джоник, не с-сы! – аванс потрачен, – сказал он, ставя ногу на тротуар. – Когда-нибудь мы ее победим.
- Гы, – подтвердил Ромка. – Про деньги не забудь. Что там, кстати, про гостинку?

– На продаже. – Рядов суетливо извлек портмоне, отсчитал две сотни. После паузы еще одну. – От меня.

– Брат... – Ромка выхватил бумажки, сделал вид, что целует руку.

– Ты чего? – Рядов по-заячьи подтянул кисть. – Чего!

– Ладно, Лысый, пошли, – Артем вытянул друга из салона.

«Корона» вонзилась в поток, клаксон ударил по ушам, остановка хмуро проводила наглеца...

Единственный дух коммуналки, баба Нина, встретила соседей неприветливо. Прошаркала на кухню, пристукивая клюкой – узловатой, гладкой от времени палкой. Опечатанные комнаты проводили героиню с уважением.

– Как жизнь, баба Нина! – Ромка высыпал на стол гостинцы.

– Не сдохла! – буркнула старуха.

– Мы тебе пенсию принесли.

– Ироды!

– А че, Рядов – не приходил? – как ни в чем не бывало, спросил Ромка. Баба Нина выглянула из-под платка, громко харкнула и сплюнула в раковину.

– Был. Натоптал. – Дрожащая рука подтянула табурет, старушка опустила, опершись на палку.

– И чего? – не выдержал Артем.

– Натоптал...

– Да, слышали. Спрашивал чего? – Старушка укусила глазами пачку пельменей, дождалась, когда закроется допотопный холодильник.

– Спрашивал.

– ?

– Про здоровье интересовался.

– ?

– Какое там здоровье? – ноги не ходят! – разозлилась баба Нина. – Чего он хочет?

– Чтобы комнату отдала! – прокричал Артем на ухо. Бабка подняла прозрачные глаза – как в первый раз:

– А мне куда? – Бесконечная пластинка забавляла. Артем улыбнулся:

– Квартиру тебе дадут.

– На кой она мне? (Пауза) Григорий, царствие ему небесное, здесь получил – я с ним!

– Живи себе, баба Нина, – не спеши! – успокоил Артем. Ромка наполнил чайник, разжег газовую плиту и нарезал вареной колбасы. Старушка принялась, оперлась двумя руками на палку.

– Еще этот с ним был... высокий, лохматый... Андрей Юрьевич.

Артем поправил чайник.

– И что?

– Все про вас справлялся.

– И? – Поймал взгляд Ромки: плакало жилище! Бабка перекрестилась на паутину:

– Прости, мя Господи... Ироды вы и есть: убивцы – со свету мене сжить решили.

Отлегло. Артем накромсал хлеб.

– Спасибо, баба Нина, – поблагодарил он.

– Ох, срамные дела твои... Зачем столько? Убили кого? – старуха строго прищурилась.

– Зачем? – удивился Ромка.

– Лиходеи вы и есть – руки отмоешь, а душа черна. Было б, где жить траванули бы меня?

– Траванули, – весело признался Ромка.

– Господи, за что такое наказание? – старуха сдула чайники со стола. Неожиданно заметила. – Блядь ваша толчок засрала – газету туда сунула.

– Гнала б ее, – Ромка заглянул в чайник. Даже не сипело.

– Сигнала... Вы им рот подушкой затыкайте – бессонница у меня. Срам!

Артем порылся в карманах, ворох трофейных купюр разделил напополам, и пододвинул кучку к старушке.

– Чего это? – она отстранилась. Засаленные деньги воняли бессчетным количеством карманов. Узловатые пальцы неловко прибрали подарок. Баба Нина пронзила глазами Артема:

– Украл?

– Заработал.

– Заработал он... – старуха раскрыла артритную ладонь, купюры рассыпались по полу.

– Ну, мать! – Ромка бросил бутерброд.

– Знаете, отнесите-ка в церкву свою... получку! – посоветовала бабка и тяжело поднялась. – Мыться будете, не забудьте – слив протекает. Подотрете.

– Я хотел за квартиру заплатить, – бросил Артем вслед. Старческий скрип отразился неожиданно:

– За меня Гриша платит. Отнеси... – Дверь на кухню притворилась, шаги затихли у бабкиной комнаты. Ромка вылез из-под стола, вывалил денежную разносортницу.

– Кукушка потекла, – он повертел пальцем у виска.

– У меня?

– У бабки: Гриша, церкви, боженька – и ссытса под себя. – Он показал на деньги. – Пилим? – Артем кивнул. Ромка заликовал, перемешав кучки. – Сегодня Галку закажу – всегда косяк с собой.

– И, правда, заткни ей рот. Орет – спать невозможно.

– Такая у нее работа.

– Работа... Помойка!

– Курни, – Ромка сложил свою долю пополам. – Трава от Бога...

– Бога нет! – резко обломал Артем. Рома налил крутой кипяток по кружкам. Старушкина чашка дала течь – паутинка по оранжевым горошинкам. Лужица отвоевывала клеенку и катилась на пол – некрашенные доски захожены до блеска. Артем смял купюры, бормоча в нос. – Черт с ней – ее деньги! – спрятал деньги в карман. И громче. – Звони Галке!

* * *

Позднее утро началось с харчка – бабка в туалете промывала горло. Взял голос унитаза, тапки зашаркали к кухне. Дурацкий пьяный сон напомнил о мальчике в обоссанных колготках и мамаше, что как молитву твердит: «Виталья договорился... Виталья договорился...». Нет бы, приснился Вага: «Ай, мама-а! Ай, больна, на-а!». Выработанная донельзя Галка разметалась по дивану, выжав откормленным бюстом немаленького Ромку. Впитался в стены конопляный дым, в бутылке кока-колы плавают «беломорина». Под плотной шторой – полоска света с трудом пронзает духоту. Телевизор нем, видик честно мотает метры пленки. Вспомнить бы, что смотрели до порнухи!.. Артем обмотался полотенцем, неслышно скользнул в ванную.

– Здрасьте, баба Нина! – поздоровался он, едва старуха попыталась открыть рот. Душ заглушил бормотания про «блядь», газету в толчке и описания дороги к покойному деду Григорию. Артем перекричал. – С добрым утром! – Потом он вытер воду, вернулся в комнату, Галка приподняла потекшую ресницу, мутно зыркнула и отвернулась – голый зад рассматривал Артема вызывающе. Одежда пропахла сивухой и дымом. Проверил кошелек – на месте. Старенький будильник пискнул «двенадцать». Артем, походя, нажал стопор. Дверь захлопнулась за спиной.

Их паучий угол не изменился: вечно строится гостиница, хмурые лица на остановке, машины в пробке матерят асфальт. Через дорогу – покосившийся забор Покровского парка.

Кладбищенские тополя приоткрывают луковицу часовенки. Артем перешел дорогу, пролез между прутьями и погрузился в шелест. Листочки отталкивали мирскую суету: кладбище оно и есть кладбище – даже бывшее. Потрескавшаяся тропинка потекла под уклон. Затаптанные лавочки, перевернутые урны, стекло – следы вечерней вакханалии. Старушки с собачками, да жмутся редкие студенты. Университет приглядывает снизу монументальным фасадом. Часовенка. Белый кубик с зарешеченными окнами. Рядом, не решается зайти «малиновый пиджак». Приоткрытые двери выпускают монотонное бормотание, шерохи и сладковатый запах.

– Что, братан, держат бесы? – хохотнул Артем.

– Че-о? – «братан» округлил глаза, закрыл волосатой рукой «гимнаста» – золотой слиток в форме креста. Белые глаза пробили навывлет. Артем шагнул внутрь... Чувство не понравилось: хотелось благоговения, но вышло разочарование. Сердце приготовилось ликовать – глаза не пустили: увидели священника в затертом золоте и богомольных бабушек, что рассказывали что-то детским картинкам на стенах. Иконы смотрели сквозь, навроде болвана в малиновом. Чтобы никого не обидеть, перекрестился – мгновенно, будто стесняясь. Сухая бабушка окинула глазами неприветливо, сдержанно прошептала:

– Что вы хотели? – Артем схватился за карман.

– Денег... дать. – Старушка перевела:

– Пожертвовать?

– Угу. Кому здесь... – он повертел головой. – Кто принимает?

– Потише! – прошипела она.

– А... – Артем послушно понизил тон. – Давай, мать, тебе отдам? – Она приложила палец к губам, строго показала на жестяной ящик с прорезью. Артем, просунул «пресс». Подмигнул лысому бородачу на картинке:

– От бабы Нины... Ну и от Вагана. – Сквозняк тронул огоньки на свечах. Артем оглянулся на старушку, вернулся к иконе – перекрестился. – Это от меня. Больше не дам! – Прежде чем он ушел, бабушка спросила:

– Может, молитву закажете? – Артем приостановился.

– За Мишку помолись, – решил он.

– Сын?

– Нет, мать – обидел я его...

– (Пауза) Спаси тебя Бог, сынок...

* * *

Мир не перевернулся, но карман стал неприятно пуст. «Бабкины» – утешался Артем, плетясь по дорожке. Возвращаться не хотелось: не дом – воровская малина. На пятаке под крестом сколотилась барахолка – «ботаники» меняли марки и монеты. Лавки заняли пенсионеры с шахматами. Внутри дернулось – мешковатый свитер и хвостик, этюдник на коленях. В уголке рта – карандаш, глаза смотрят сквозь крест. Он заглянул на картон: давешняя черно-белая церквушка, желтками светятся луковицы – причудливые фары на ночной дороге.

– Сюда б такой! – Артем показал на жестяную крышу часовни.

– А? – девушка оторвала глаза от креста.

– Тебя как зовут, черно-белая?

– Даша, – она отстраненно окинула его взглядом, узнала.

– Артем, – напомнил он.

– Ар-р... тем, – повторила она. Он присел рядом.

– Не помешаю? – Даша пожала плечами, болтая кисточку в грязной воде. Артем попробовал ее расшевелить. – Долго еще будешь?

– Чего «буду»?

– Рисовать.
– А что?
– Просто...
– Закончила уже. – Даша вытерла кисточку тряпкой, руку – о джинсы. – А что?
– Не бойся меня, ладно? – Дашка фыркнула:
– Вот еще! – картинно громко закрыла крышку этюдника.
Насмехаясь, заскакали воробьи. Старикан стукнул по доске, будто доминошной костью:
– Мат, Петрович! – король унизился щелчком пальца и скатился под ноги. Зрители расслабились смехом.
– Еще! – потребовал Петрович. Ему шумно возразили:
– За пивом дуй! – Проигравший выбрался из круга и закосолапил к ларьку. Артем проводил его взглядом, спросил Дашку, не поворачивая головы.
– Давай встретимся?
– Зачем? – удивилась она.
– Ну... не знаю. – Дашка развеселилась:
– Хм, так я фригидная!
– Вижу. – Даша сорвалась: – Чего ты видишь! – изучила Артема, плотно сжав губы. Дернулась.
– Ну, извини, извини! Сама начала. – Артем придержал за рукав.
– Отпусти! – Он улыбнулся:
– Не убежишь? – Даша напряглась, Артем поднял ладони. – Все, отпускаю-отпускаю! – Она встала: этюдник под мышкой, белые щеки еле подернулись краснотой. Артем попросил. – Пожалуйста, не злись...
Осторожно пробрался «гонимый» с пивом, занял место в зрителях, победитель громко заглядывал из горлышка. Даша внимательно смотрит на шахматистов; роятся менялы, студенты делят на круг сигарету.
– У меня пара скоро, – бросила девушка.
– Даш! – Артем умоляюще поднял брови. Она зачем-то вытерла рот рукавом, указала на крест:
– Ты чего на нем висел? – Артем вздрогнул, изучил ее – ни тени издевки.
– Так... – буркнул он. Вот они, стеклянные осколки.
– Паршиво было? – двояко поняла она.
– Стремно, – признался он. Даша удивилась:
– Красиво! – И прежде, чем уйти, кинула через плечо. – У меня пара в два заканчивается...
Артем проводил нескладную фигуру, «лошадкин хвостик» мерно качается из стороны в сторону, одно плечо выше другого, временами останавливается, чтобы перехватить деревянный ящик. Оглянется? Нет, Дашка сбежала по лестнице. Он поинтересовался у креста:
– Зачем? – давешний товарищ безмолвствовал... Бледная мышка, хрупкая – что прикасаться жалко. Отличница, наверно. Менялы косились на лавку, однако занять не решались. Неприкаянно шлялись старички с книжками.
– Отцы! – позвал Артем. Отозвался тип с бородачкой.
– Что такое?
– Тащите сюда свою библиотеку – я ухожу. – Артем поднялся, отряхнул брюки.
– Спасибо, – дядьки засуетились с клеенкой, один за другим расположились несвежие фолианты. По переплету – кофейные пятна, края засалены бесчисленными прикосновениями.
– «Капитальный ремонт»? – удивился Артем. – Можно?
– Ну... – Артем перелистнул. Тень детства. Кадетские погоны и радужные мечты о достойной смерти на твердом курсе. Флот оказался рабоче-крестьянским...

- Почем? – он сунул книгу под мышку. Букинист замямлил:
- Не думаю, что вам будет интересно. Царский флот...
- Я не спрашиваю, чудо, про интересно – сколько стоит? – огрызнулся Артем.
- Извините, – затараторил дядька. – Я еще не подумал... Мы только пришли...
- Пятьдесят, – нашелся напарник, поправляя очки.
- Пятьдесят, так пятьдесят, – Артем бросил «сотню» на лавку. – Еще «Дюну» возьму. –

На этот раз никто не спорил. Видели б они Лысого – Ромка цитировал серию «Дюны» абзацами. Каждому – по Евангелию...

– Спасибо.

– На здоровье! – в руке по книжке. Захотелось посочувствовать. – Тяжело, мужчины? –

Бородатый потупил взор:

– Кому легко?

– Пораньше приходите, – подсказал Артем. – Барыг – тьма!

Глава 4. Даша.

Фома щелкала крышкой футляра.

– Дуся, ты дура! – с этим?!!

– Сама дура, – Дашка прилипла к стеклу; коридор жил; студенты растекаться не спешили.

Артем вышагивал вдоль остановки, невзначай пихая то одного, то другого лоботряса. Смешно: в них пузырится гнев, подскакивает, но, столкнувшись с холодными глазами, катится в пятки. Ар-р... тем-м.

– Нафига он тебе? – Фома косо посмотрела вниз. Дашка дернула плечом:

– Интересно.

– Чего-о? – вскинулась Ленка. – Смотри, Дуся, разложат тебя на круг – так это у них называется?

– Не разложат, – пробурчала Дашка без уверенности; сердце екнуло, холодок пробрал до затылка.

– Зачем, Дуся?!! – повторила Фома стеклянным голосом. И, правда, зачем? Хочется отомстить Санечке за разбитый нос? Тоже мне месть! Ар-р... тем-м – звуки срываются с губ, вынут в стекле. Есть ли у демона крылья? Фома уселась на подоконник, оперлась на руки – плечики задрались до ушей. – Дуся, ты меня пугаешь.

– Ленка, есть ли у демонов крылья? – повторила Дашка.

– Этот, что ли, демон? – Фома небрежно показала на Артема. – Бык! – Дашка промолчала, мысленно провела через лопатки карандашную черту: растрепанные перья царапают асфальт, следом – черный пух. Озирается, будто что-то потерял. Совесть, наверное... Фома отобрала карандаш. – Эй, блаженная! Хорош стекло пачкать! В дурдом тебе, Дуся! – Дашка наслюнявив палец, оттерла окно. Уйдет? Хоть бы... ушел? Пусть остается! Прогрохотал трамвай; бабулька перекатилась через пешеходный переход, и остановка опустела. – Ишь, пиджачок одел! – пробормотала Фома. Осеклась, воскликнула. – Дуся, Дуся! А твой-то решил цветочком обзавестись! – Ехидно прищурилась. – Может, крикнуть, чтоб не тратился? – телочка и так мокрая! – Артем сунул в ларек деньги и, взяв розы, мельком изучил университетские окна. Дашка спряталась за стеной.

– Фу-у! – выдохнула она. Фомичева развеселилась:

– Страшно? – увидела кивок. – Так зачем!

– Есть ли у демонов крылья?..

– Заладила! Смотри, Дуся, триппером не отделаешься. Ну да! – его лечат.

– Идиотка!

– Только это не я на свидание иду.

Остановка снова замельтешила молодежью: сумки, портфели, тубусы. Артем меж ними – дурак с цветочным венником. Все в полный рост кричат: «Купи ей пива, лапоть!». Так трогательно расправляет целлофан, розочки перемещаются с локтя на локоть. Фома непонятно кого пожалела:

– Иди уж! – отпустила она. Дашка чуть не уронила этюдник:

– Ле-ен?..

– Чего?

– Пошли со мной.

Фома опешила:

– Еще чего! Свечку держать?

– Ле-ен, мне почему-то надо.

– Я бы сказала почему: дай Санечке – будет «не надо». – Дашка сжала кулак, меловая кожа обтянула костяшки:

- Фома, пожалуйста!.. – Ленка передернулась, выделила Артема глазами из толпы:
- Страшный... Злой... Будет шпарить анекдоты... Про Чапаева – и сам над ними ржать. Он хоть говорить умеет? – Даша пожала плечами. – Ну, про друга не спрашиваю, – Фома прыгнула с подоконника. – Пошли, самка! В баню позовет – шлем в... баню.
- Угу. – Даша поправила ремень этюдника, свитер удостоился строгой оценки Фомичевой:
- Хорошо, одета в картофельный мешок – обойдется без спермотоксикоза. Что мне, богине делать?.. – она одернула мини. Махнула рукой. – Ладно, не впервой динамит...
Артем сделал шаг к лестнице, но при появлении Фомичевой вздернул брови.
- Привет, – сдержанно поздоровался он.
- Привет, – Дашка неуютно поежилась.
- Здрасьте! – Фома вытянула руку. Артем проигнорировал подругу, лишь цепанул скользким взглядом по ее ляжкам. С-сучка...
- Это тебе, – Артем вручил три розочки в помятом целлофане. Что с ними делать то? Дашка ткнулась носом в бутоны – трава травой – спрятала букет за спину:
- Спасибо! – пискнула она. Артем помялся с ноги на ногу, покосился на Фому. Ленка изо всех сил ловила Дашкины глаза. Как не сморозить глупость? Решилась. – Давно ждешь? – Артем приоткрыл рот – проглотил язык, что ли? – А нас Сычиха задержала, мелет что попало, хоть и доцент... – Знает он хоть кто такой доцент? Даша заглянула в лицо – играет желваками. Злитесь что ли? Ой, мамочки!..
- Нет... подошел... – соврал Артем, кивнул в сторону центра. – Недавно освободился.
- И кем же вы работаете? – влезла Фома. Дашке стало смешно, как Артем борется с искушением заглядеться на коленки. Смотри уж, дурачок!
- Менеджером... в недвижимости, – ответил Артем.
- Ой! – Фома всплеснула ладошками. – Так вы богатенький, наверное?
- Не богатенький, – признался Артем. – Недавно работаю... не успел...
- Фома гордо выпятила грудь, голова склонилась, пальчик накрутил пережженный локон:
- А чего так? – Артем пожал плечами, заметно завибрировал. Дашка решилась:
- Лен, ну мы... пойдём? (Пауза) Правда, Артем? – Фома растерялась, ресницы вздрогнули – чуть не взлетела. Круглые глаза закричали; сейчас покрутит пальцем у виска. Ленка вцепилась в Дашкину руку, обворожительно улыбнувшись Артему:
- Мы на минуточку!
- Пожалуйста, – он отвернулся.
- Молодежь выплеснулась из трамвая, заструилась меж ними. Дашка удивилась, как Фома рисует слова губами – прозрачные буквы падают в глаза, а в голове шум.
- Ты дура, мы ж договорились! – забурлила Ленка. Дашка кивнула, но прошелестела:
- Я уже не боюсь! – объяснила она.
- Я боюсь! Ты руки его видела?
- Нет.
- Кирпичи! Придушит, вкнуть не успеешь.
- Нафига я ему дохлая? – удивилась Даша.
- Ой, дура-а! – протянула Фома, выглянула из-за плеча. – Стоит паук!.. Дашка оглянулась
- Артем не шелохнется; пустой взгляд что-то ищет в парке. Ага, яму, чтобы ее закопать.
- Фома, он хороший... стесняется.
- Да ну! Разложить на кон не постесняется.
- Опять, Лен? – Дашка поджала губы. После недолгой словесной перестрелки Фома сда-лась.
- Ну, тебя, Дуся. С ума сошла со своими крыльями... Хоть ящик оставь...
Дашка взвизгнула и повисла у нее на шее:

- Ой, спасибочки! Я только альбом возьму!
- Фу-у, Дуся, – выдохнула Фома, папка перекочевала в сумку. – Целка полоумная... Дашка хихикнула, дернулась к Артему, но Ленка сбила спесь:
- Дуся, осторожнее. Звони. Если что, я дома.
- Спасибо, Фома.
- Пожалуйста, Дуся. Ночевать приезжай...

* * *

Едва Ленка отошла, Дашка заискрилась злорадством.

– Ну что, к тебе? – ошарашила она. Ой, хвост поджал – не сбежал бы! Дашка ухмыльнулась. – Не бойся, я пошутила. Куда мы, гер кавалер? – Артем мгновение изучал ее, еле скрывая удивление. Дашка перепугалась, как бы не сболтнула лишнего. Но парень все понял правильно:

– Даш, бояться меня не надо. – Она обняла букет, глаза стрельнули из-за бутонов. Артем прибавил. – Посидим, поговорим – и все...

– И все? – она криво улыбнулась.

– Даш, – Артем дотронулся до руки, повторил. – Не бойся. – Колкие искорки побежали по пальцам, воткнулись в сердце, Дашка вздрогнула – стена опала. Он спросил. – Ты в «Океане» не была?

– Кино, что-ли? Мультики?

– Ресторан, – поправил Артем.

– Ресторан?

Он кивнул. Дашка покосилась на свитер. Артем понял, попытался скрыть улыбку:

– Все в порядке, там одни американцы – хозяин с ними взасос – в вечерних платьях ходить не принято.

– Ресторан?! – Она пожала плечами, розочка воткнулась в нос, Дашка чихнула. – Прости.

– Будь здорова, – Артем улыбнулся. Пронеслось в голове: «Ой, пялится, будто на икону – засветится, кобель». Дашка недоверчиво предупредила:

– Только у меня денег нет.

– У меня есть, – он похлопал по карману на груди.

– Просто посидим?

– Ну...

«Баранки, гну! Знаем, как вы лохушек разводите».

– Чтобы без этих... – она повертела кистью руки. – Ела-пила – поехали!

– Даш! – Артем, похоже, терял терпение.

– Не дам! – отличное имя. Она попыталась уловить, не пройдена ли грань от шутки до оскорбления. Самка, самка – но как охота в ресторан! Артем ухмыльнулся:

– Обещаю: не захочешь – не поедешь.

Дашка проглотила, обрадовалась, будто могло прозвучать иное.

– В ресторан, так в ресторан.

Интуиция голосом Фомы задела: «Дуся, ну ты и самка – за горбушечку...». Иди ты! «На мешковину – он же извращенец». Дура, Фомичева! – маленькие сиськи тоже сиськи. Но вот, есть ли у демона крылья?... Заладила!.. Дашка спряталась за букетом, вдохнула аромат – почему он показался ей травой? – приятно. Сердце жужжит, как майский жук, падает в пятку, отражается по голове. Мамочки, какая же я дура!

– Даш, поехали, – осторожно позвал Артем: ласковый, как с дурочкой... Или с рыбой, чтобы не спугнуть. Таксист терпеливо ждал. Спину жгли завистливые взгляды девчонок, парни ревниво шипели: «Шалава». Дашка оглянулась – показалось! Вдохнула розовый аромат и забралась в салон...

Неразговорчивый таксист метался между «пробок». «Волга» хрипела передачей, звонко считала ухабы.

– Ай... мать! – водитель не выдержал, харчок улетел в приоткрытое окно. За дорожные службы досталось старушке, что ковыляла через переход. – Куда тащишься?! – Под капотом натружено заревело, Дашку кинуло на Артема. Он придержал ее за плечо. Задеревенела спина, а мысли юркнули в норку, серая вата в черепе смолчала.

– Нормально? – спросил Артем.

«Чего тут нормального? – лежу, как дура на мужике... хоть потом не воняет...».

– Угу. – Дашка выглянула из-под руки: стадион «Динамо», стайки разноцветных дамочек плывут на набережную. Гаишник «раздевает» глазами обтянутые зады. Таксист примерно вытянул спину, сорвался матом, машина вывернула к кинотеатру. Противно засвистели тормоза.

– Приехали, – известил он, обернувшись к пассажирам.

– Выйди, Даш, я расплачусь, – проворковал Артем. Подмигнул.

Дашка пошутила:

– У тебя глаз дергается, – Послушно вышла, поехала – с моря тянуло. Действительно, в кинотеатре располагался одноименный ресторан. Странно, что раньше не замечала – неоновая подсветка горит, несмотря на день. Под афишами – редкие парочки. Дашка отвернулась от здания, загляделась на буруны: барашки перепрыгивали через волны, самые шустрые отрывались от воды и пенились – вообразили! Хм, крылья есть даже у баранов, если хорошенько подтолкнуть. Дашка развеселилась, вывернула шею. Артема не видно за тонировкой, а вот шофер угрюмо смотрит в пол – школьник перед доской. Лысый, потеющий ученик – она попробовала дорисовать крылышки и ему. Получились куцые обрубки, они съезжились под полосатой рубашкой – не дано! Шофер кивал, по-детски дул губы. Вдруг дверь открылась – горохом обрывки разговора:

– ...жу барыг – свободен!.. – Машина укатила, унеслась сталь, Артем взял Дашу под локоток. – Прошу!..

Она наигранно хмыкнула:

– Туда? – «Ой, мамочки, ресторан!». Ноги не слушаются, снова Фома: «Разминай, Дуся, икры – вдруг пригодятся». Дура! – Дашка поплелась за Артемом на негнущихся ногах. Фойе встретило швейцаром: угрюмый инвалид принял куртку Артема, на Дашку посмотрел с неодобрением. Спину щекотнула усмешка:

– Пообедать?

– Поужинать! – огрызнулась она. «Боже, я просто голодная блядь!» Руки огладили свитер.

– Миша, завязывай! – Артем протолкнул Дашку на лестницу. Пустой зал гнулся вдоль аквариумной стены, бармен считал мух, в дальнем углу под пальмой грустила шевелюра администратора.

– Ира! – позвал Артем. Голова оторвалась от сложенных рук. Лягушка – глаза навывкате, лацкан жакета в меловой крошке. Девушка дежурно приподнялась, отодвинула ногой стул.

– Привет, – безрадостно заметила она. Уставилась на журнал, в кильватер упущенных снов. Над головой: рыбацкая сеть – обрывок сумасшедшего декора... «Ой, а рыбу едят руками? Дура деревенская. Наверное, можно». Дашка села на предложенное место, сложила рядом альбом. Руки мешались, вязались в кренделя.

– Подожди, меню принесу, – попросил Артем. Она пожала плечами: «Нет – убегу!» Отвернулась к морю. Барашки ехидничали, неслись по черной воде селедочным косяком. Крохотный парус накрывает самых наглых. Выныривает из мглы перевернутая «миска» Песчаного. Чайки на фонарях – помет гигантского баклана. Отражение... Дашка ткнула близняшку пальцем – та поленилась повторить жест. Дуся. В руки попросился карандаш, альбом вильнул хво-

стом. Место! Дашка покосилась на Артема – сонная администраторша скользила глазами по залу, обходя препятствия, ручка что-то выводила в блокноте. Донеслось:

- Договорились? – Артем обернулся, подмигнул Дашке.
- Хорошо, не позже двадцатого, – Ирина покачала головой.
- Получится – раньше отдам.
- Смотри, Тёма, Питер...
- Первый раз что ли? Потерпит янки!

Дашка нашла на столе царапину, приложила ноготь – маловат. От царапины выросли кости, ворс дотек к кинжалам клыков – образина заглянула в глаза: «Рисуй!».

– Фигушки! – Дашка придавила альбомчик сумкой, стул задвинула под стол. Красные зрачки подернуло гневом, палец качнулся перед лицом: «Должок!». – Ага, разбежалась. Смотри у меня!.. – Исправила оскал на безумную улыбку мультяшного волка. Оборотень вдруг «сдулся».

- Разговорился...
- Даша? – Артем повесил куртку на стул.
- Ой, – икнула она.
- Кто разговорился?

«Дура-а! Смотрит каменной башкой, гоняет чугунные шарики по извилинам».

– Кушать хочешь? – ласково улыбнулся он, пододвигая меню.

– Ну... – Дашка раскрыла кожаную папку, бросилось в глаза: названия – худющие, а цены – бесстыже ожоганные. Брови поползли вверх.

- Смелее, – ухмыльнулся Артем.
- Посидим-поговорим? – она глянула из-за меню, как из окопчика.
- Не веришь?

Дашка опустила глаза.

– Ирка, скажи, что я не буйный! – крикнул он пальме, под которой прятался администратор.

- Не буйный! – девушка отразилась эхом.
- Вот видишь, – он наклонился, дотронулся до руки.

«Не вижу!» – Она дернулась, ткнула пальцем в первое попавшееся слово:

– Жульен! Буду жульен.

– И все? – удивился он.

– Да. – воображаемый хлыщ с крысиной мордочкой, приподнял соломенную шляпу, улыбнулся в ниточку усов: Жуль Ен.

– Как знаешь, – пожал плечами Артем. – Вина? – Дашка напугалась, стиснула пальцами салфетку, Жуль Ен проворковал: «Шато Брюон двенадцатого года. Шарман, цыпа!».

– Не-а! – пискнула Даша. Артем не удивился, сдержанно проглотив паузу, поинтересовался:

– Я водки – можно?

Представила: разнузданный красноармеец в косоворотке – буденовка на ухо – пытается добраться до сисек и чешет манифест... Дашка тряхнула головой, жалко округлила глаза. Артем понял правильно:

– Немного – обещаю! – Запоздало признался. – Разговор не склеится. (Пауза). Боюсь. Честно. – Дашка хихикнула, хотя драпать захотелось уже сейчас. Возникла официантка: черная юбка обтягивает бедра, третья пуговка на блузе невзначай растегнута, перегидрольные волосы уложены в мышиную косичку.

– Определись? – она ревниво «разложила» Дашку на атомы.

– Угу. Анжел, сто грамм водки, мясо по-милански и деревенское ассорти. – Артем водил пальцем по странице меню.

– А гостье? – глаза официантки лукаво прищурились. Дашка поторопилась открыть рот, но Артем перебил.

– Девушке жульен, мороженное и...

– Вина, красного, если можно! – выложила Дашка, была награждена недоуменным взглядом.

– Какого? – скучно пробубнила официантка.

– Шато Брюон двенадцатого года! – разозлилась Дашка. Шутку не оценили.

– Молдавское подойдет? – унизила официантка, поправив бирку. «Анжела. Официант». Не сиськи – тощая задница! – отомстила про себя Дашка. Артем нахмурился.

– Анжел!

– Водки сто, мясо по-милански, ассорти по-деревенски, жульен, мороженное, Барон Де Ареньяк, белое – бутылка, – протараторила официантка.

– Мне бокал, – возразила Даша. Официантка сделала вид, что не услышала, скрылась за барной стойкой. Графин принесли быстро, Артем без лишней скромности замахнул рюмку. Расслабленно раскинулся на стуле.

– Нравится здесь?

– Нормально, – уклонилась Дашка. А с чем сравнивать, со столовкой на Фанзаводе? Спроси еще «чем занимаешься»...

– Где живешь? – «обрадовал» Артем.

– На Океанской.

– С родителями?

«У-у, на тему, когда свободна хата... понимайт!».

– Угу.

– Работают?

«Ну, получи фашист гранату»:

– Нет! – Дашка с удовольствием заметила разочарование. Артем уплыл из притоки.

– Давно рисуешь?

Подлая скотина! Дашка ощутила: ворота заскрипели, мгновение – и понесет... Потрогала альбом: заваленная куполами собака заскулила, осветился похабщиной тамбур электрички. Сморщенный дедукан в драповом пальто оперся на сучковатую палку, глянул с укоризной – не разукрасила.

– Ну... – напряглась она.

– Дашь посмотреть? – попросил он.

– Здесь мало – наброски одни. Основное дома... – «Ой, дура-а! Это я его что, приглашаю?» – Артем «наживку» проигнорировал, томно огладил глазами. Покраснела, если б умела.

– Ты другая, Дашка, – вырвалось у него.

Она попробовала не поверить, сердце сдавила удавка: «Хорошо-то как, мамочки»!

– Какая еще? – фыркнула она.

– Светлая.

Мамкино: «бледная, как смерть». Дашка увидела – пальцы играют вилкой.

– Ну, бледная...

Артем разулыбался:

– Я не в этом смысле, – глаза ехидно заискрились. – Загоришь.

– Не загорю, – возразила Дашка.

– Ничего! Выпьешь – порозовеешь!

«Дурак»! – Дашка дернулась уйти, даже напрягла коленки – Фома подбоченилась, выпятив бесстыже сиськи. Вот уж дудки!

– Подожди! – Рука-лопата легла поверх ладошки – замерла, под ложечкой кольнуло, в затылке – жаркий комок. Артем виновато улыбнулся, заглянул в глаза. – Извини. – Извини...

звини, звини: вина-горошинка заскакала меж звуками, мерцая на солнце. Над ухом гас камертон. Дашка опустила альбом. Страшно, но странно – руку убирать не хотелось. – Мир? – Артем накрыл ее второй рукой. Дашка выдохнула, буркнула меж ударами сердца:

– Мы и не ссорились. – Фома над левым плечом запела: «И с челна ее бросает в набежавшую волну!». Строенный плевок угомонил подругу... Ехидна Анжела принесла заказ, ускользнула, вильнув хвостом. Хлыщ Жуль Ен правда оказался жуликом: крохотная «розочка» с пяточком гребешка.

– Ну, за знакомство? – Артем плеснул себе, наполнил Дашкин бокал «желтеньким». Ей вдруг стало бесконечно неудобно за ободранный лак, заусенцы и пятна краски на руках. «Ой, лохушка»!

– Угу, – Даша перехватила ножку бокала. Стекло бока чокнулись на родственный поцелуйчик.

– Как? – он ждал, пока она допьет. Она исподтишка наблюдала, как двигаются монгольские скулы, хрумкая капуста. Дашка зыркнула из-под бровей:

– Не розовею?

Артем замер, запоздало хмыкнул.

– Нет. – Они улыбнулись одновременно.

– Я же говорила, – Дашка перевернула гребешок, в сырной корочке – воронка с грибами. Моллюск обнял зубец вилки, устался на зубы. Маловато... Упокоено улегся на язык. Утопила его плотком вина... Солнце лениво качнулось под рваные облака, мазки неба зерцали, чем дело кончится. Артем разговорился, будоражил воздух ни о чем. Дашка захмелела. Страшно не было, вернулся вопрос вопросов «Есть ли у демона крылья», теперь чертик в голове коверкал его так и эдак. «Есть или не есть – зачем тебе перья, дура?». Даже Фома заткнулась, что на нее не похоже. Сидит, наверное, под телефоном – воображает... – Я позвоню? – Словесная шелуха рассыпалась.

– Конечно! – Артем показал на барную стойку. – Там телефон. – Вслед попросил. – Только недолго – забуду, что говорил. – Он попробовал смеяться. Дашка удивилась: «Тоже мне, демон – бесенок средней руки. Или что у них там: хвост и рыло?».

Желудок, обманутый жульеном, выдавал трели вслед за телефоном. Бармен рядом разливал спесь и густеющую лень. Трр– трр – трр. Дашка прижалась к трубке, напротив – пилит соловый взгляд. Она невзначай отвернулась. Трр-трр...

– Алло!

– Фомочка! – громко прошептала Дашка.

– Дуся, ты?

– Ну.

– Как ты там? Он не полный кретин?

– Не-а...

– Что там с твоими крыльями – не раздевала? – хихикнула Фома.

– Дура! – вспыхнула Дашка, покосилась на Артема, но зацепила бармена – мухи умирали в трех метрах от этого человека.

– Где вы хоть, пляж топчите? Пиво, джин-тоник?

– В ресторане, соска! – Бармен презрительно ухмыльнулся.

– Да ну! – не поверила Фомичева. Поправляет в бюстгальтере сиськи и заворачивается в халатик. Завидует, стерва – ее Алик таскал в шашлычку. Здесь хоть бежать недалеко...

– Смотри, Дуся: «щеколадкам, мармеладкам, мороженком» – ходи потом нараскаряку. – Отомстила Фома. Артем беспокойно обернулся, поймав глаза, кивнул на стул.

– Сейчас, – пообещала Дашка, протараторила в трубу. – Фомочка, я пойду...

– Дуся, недолго! И не пей...

– Хорошо, – перебила Дашка. – Не буду! – Она положила трубку, бросила «спасибо» – слова утонули в рыхлой подушке.

– Пожалуйста, – откорячился бармен.

Артем подлил «желтенького», дождался, пока она усядется.

– Все нормально?

– Угу.

– Маме звонила?

– Подруге.

– Той грудастой, что-ли?

Дашка вспыхнула.

– Еще у нее ноги от ушей.

Артем хмыкнул, повертел рюмку.

– Ну, эт не главное...

– Да ну! – Дашка покосилась на альбом – белый краешек сиротливо поглядывал из-под стола. – А что вам еще надо?

– Кому это «вам»? – удивился он.

– Тебе, – резанула она, испуганно отвернувшись к окну. Под кинотеатром бусинками скачивались парочки, перепрыгивали со ступеньки на ступеньку. Артем пожал плечами.

– Был бы человек – блядей хватает. – Пододвинул бокал. – Будешь?

– Нет.

– Боишься! – он замахнул стопку, закусил хлебным мякишем. Слезающиеся глаза упредили кивок. – Может, так оно и надо – бояться? – Даша оторвалась от стекла, Артем мямл пальцами салфетку, пялился на столб. Ар-р... Тем-м... Воздух задрезжал, налился свинцовой тяжестью, осыпались прошлогодней листвой дурацкие истории, натянутые анекдоты – остался ржавый штырь: гвоздь, нерадиво загнанный по середину, изогнутый вопросом. Дашка положила альбом на колени.

– Ар-тем!.. – позвала она. Ноготь надорвал картон, непослушные губы соврали. – Тём, я не боюсь. – Что еще? Что?.. Дашка, путаясь, попросила. – Расскажи что-нибудь...

Корабли... Артем, пряча глаза, словами превращал серые лоханки в хищников: Угрюмые акулы дремали в мазутной пленке: ядовитый сурик по «шаровой» краске, как разверзнутые раны, железо обтянуло резкие ребра шпангоутов – инвалиды жмутся друг к другу бортами, тянутся решетчатыми мачтами. Сизая копоть мешается с сыростью; скользко грохочут ботинки. Грохочут, грохочут...

– Дашенька, ты не представляешь, как это – десятки тонн под ногами дрожат! – с такими глазами запускают в лужах кораблики. – Махина... Сорок узлов... Душу рвет, орать охота – зубы жмешь, чтоб матросня не засмеяла. – Артем машинально коснулся графина – пусто. Пальцы стиснули салфетку. – Дашка, море это... – он подбирая слова, наморщил лоб. Вдруг махнул рукой. – После увольнения забирался в него, плыву, пока хватает сил – до жути! Чтоб пробрало, перечеркнуло. Чайки над башкой, и глубина лапает. А страшно-о! И понимаешь: тля ты, Артемка, песок – перетрет время, не вспомнят о тебе, выпадешь илом с миллионами креветок. Какая разница, как жил? – прямо, боком или раком...

– Почему? – удивилась Дашка.

– Не перед кем ответ держать.

– Как это? – она коснулась альбома. – Прости, я видела...

– Чего? – нахмурился Артем.

– Ну....

– А ты про это? – покачал головой. Зло отрезал. – Хреново мне стало, перебрал. – Дашка закусила губу, Артем добавил. – Не все есть, как кажется, черно-белая. – Она пожала плечами, бармен включил музыку – полился блюз. Вечерело.

– Я знаю, – неохотно согласилась она.

Он улыбнулся:

– Ты ведь другая?

Она снова вздернула плечи:

– Нормальная.

– У тебя обязательно есть кошка и любимая кукла...

– Кот.

– В ботинки кавалерам ссыт?

Даша изучила его: напрашивается?

– Случается. – На всякий случай заметила. – У меня отец строгий – не до кавалеров.

– Правильно, – одобрил Артем. – Познакомишь? Она поискала издевку – лыбится. –

У тебя есть кто-нибудь? – уточнил он. – Дашка задыхнулась от неожиданности, вспомнила рыдающего Санечку:

– Уже нет, – призналась она.

– Что так?

Еле удержалась, чтоб не пожать плечами; альбом прижался к груди, спрятав подбородок.

– Его и не было... наверное, – прошептала она.

– Возьмете на борт старого пирата? – Артем наклонил голову. Пес под обложкой оживился, завилял хвостом. Фома же свесила ноги с левого плеча: «Ой, сняли тебя, Дуся, за мырмыладку». «Пошла!» – отмахнулась Даша.

– В смысле? – напряглась она.

– В смысле дружбы, – засмеялся Артем. – Буду на кресте позировать.

– Прекрати! – разозлилась она.

Он поднял руки:

– Прости!

Зал наполнялся посетителями, пожилая пара расположилась через столик от них, нескладный «волосатик» обнял за барной стойкой пивную кружку. Ухо тронуло «будвайзер» – заклинание из фантазийной книжки. Набережная зарделась фонарями. Дашка кивнула отражению:

– Ладно.

– Можно, я закажу? – Артем, показав на чашечку из-под жульена, объяснил. – У тебя в животе урчит. Дашка попробовала покраснеть:

– Ничего не урчит! – поймала усмешку, но сдалась. – Можно. Я мясо люблю. Жаренное.

Глава 5. Даша.

Мясо было дрянь. Когда Артем сорил чаевыми, задавила жаба: стипендия! Анжела, смыв «подачку», холодно улыбнулась в глаза.

– Еще что-нибудь?

Дашка повозила вилкой в пустой тарелке и хмыкнула неопределенно.

– У нас там мороженое, – подсказал Артем, утонув глазами в бейджик: «Официант Анжела» мерно поднималось и опускалось у его лица. Добавил куда-то в декольте. – С шоколадом.

– Подождете минутку? – Анжела вышла из-за его стула, походя, подхватила пепельницу.

– Конечно, красота, – но его глаза плотоядно провожают два «баскетбольных мяча» под юбкой. Кач-кач. Невзначай, поворот головы, победная улыбка в Дашкину сторону. Дашка оставила в покое вилку. Пальцы дрожали. «Уж не ревнуешь ли? Вот дура. За мырмыладку!».

– Ты чего? – напрягся Артем. – Все нормально? Мясо понравилось?

– Понравилось, – солгала Дашка. Не устраивала немая пауза. Надо было что-то делать, или предлагать... Ага – к тебе или ко мне? Можно я в аптеку зайду? Зачем? Аспирину взять – зачем! Башка по утрам раскалывается. И любопытная мордочка в окошке – ручки шарят в коробке с презервативами, а глазки ехидно стреляют: «Кто ж, мила-а-ая, тебя ебать-то будет?». Вспомнился вдруг папка, стало жутко неудобно.

– Все в порядке? – Артем наклонился, заглядывая в лицо.

– Можно, я домой? – проямлила она.

– А мороженое? – удивился Артем. Как Санечка в подпитии шутил: «Нам хоть волка мороженого – лишь бы жопа талая». Кобелина! – Дашка попробовала уклониться, но уставилась в его отражение на стекле: глазки по-детски хлопают, губы того и гляди затрясутся.

– Электричка скоро, – нашлась Дашка. Добавила. – Последняя. – Для верности уточнила. – Меня отец встречает. – «Ой!». Затесанные кулаки сжались, разжались. Она понимала, что хорошо бы обольстительно улыбнуться и ляпнуть невинно: «Ты мне очень понравился, ты интересный – не как все! Отличный ужин». Но не смогла оторваться от рук. Фомка на плече молчала – тоже поджимала хвост.

– Электричка? – Артем с досадой покачал головой. Дашка кивнула. Успела заметить, что Артем недоверчиво ухмыляется. Попала! «Просто посидим...». Конечно: сначала полежим, потом и посидим – как фантазия подскажет. Артем сухо добавил. – Давай на такси доведу? Как? – Дашка затравленно покосилась на бармена; администратор Ира пялится из-за пальмы; официанты у стойки моргают: «Такси, такси, такси». Фома из-под прически прорвалась: «Ходить то сможешь, дура?!». Дашка после раздумий выдохнула компромисс. – Ты меня до электрички проводи. Хорошо? – жалко подняла глаза. Напротив ожидания, встретила улыбку. В серых глазах резвились бесенята. Отлегло.

– Хорошо! – он погладил ее руку. – Но мороженое все равно попробуй, до вокзала недалеко – успеем. – Официантка принесла хрустальную «розетку»: три ледяных шарика обволакивает шоколадный сироп. Даша окарябала белую стружку, мороженое в ложечке немедленно подтаяло.

– Доем, и пойдем – ладно? – уточнила Дашка.

– Ладно. – Артем отвернулся в сторону саксофониста. Зал заполнился, компании поделовому стучали вилками, вплетается в сигаретный дым английская речь. Дядечка за соседним столом машинально теребил окладистую седую бороду, глаза бегут по газете. Пивная кружка ополовинена, над янтарной жидкостью колечки пены. – Томас!

– А? – не поняла Дашка.

– Это Томас, – Артем кивнул в сторону бородача. – Живет в «Версале», но жрет, скупердяй, здесь. Да и «мочалки» в казино дорогие... Думаешь, газетку читает? Ага, ждет любительниц халявного английского. – Мужчина заметил внимание, вскинул ладонь:

– Хай!

– Хай, Том! – Артем приторно улыбнулся. Шепнул скатерти. – Педофил... – Дашка сосредоточилась на мороженом, стараясь не смотреть на американца. За спиной засмеялись. Быстро прошла официантка, поднос прилип к руке: графинчик «беленькой», рюмки, чужеродно тарачится зубочистками тарелка с «канапушками». Секс бомбу Анжелу не узнать среди одинаковых белых блузок – ягодицами не покачаешь. Чего изволите-с? Спасибо-с...

– Все! – Дашка аккуратно сложила ложечку. – Пойдем? – Пальцы нащупали альбом.

– Пошли, – Артем помог встать, неуклюже затолкал стул под стол. Взвесил на руке куртку, но одевать не стал. Напомнил. – Сумку не забудь. Как ты без учебников? Мамка заругает.

– Папка – у нас ругается папка. А мать дерет.

– Да ну! – не поверил Артем.

– Потом сама плачет, – поспешила уточнить Дашка. Ей стало неудобно, что она так запросто про мать.

– Все равно... – Артем пожал плечами; неловко, по-пионерски, обнял за талию. Дашка замерла, на всякий случай, но через силу прошипела:

– Руки! – Ладони-лопаты будто не было – кисть вскользь ушла в карман.

– Помочь хотел, – оправдался Артем. Дашка затолкала альбом в сумку, повесила через плечо. «Трус! Ой, дура-дура! – Она раздраженно закусил губу. – И как теперь? Сама полезешь на прощание целоваться?». Некстати из-за плеча спросили:

– Уже уходите?

Конечно это Анжела: глаза насмешливо проклевывают Дашку.

– Вот, проводить... – Артем, будто нашкодивший кот, кивнул в сторону моря. «Топить, что ли собрался?». Анжела недвусмысленно заметила:

– Зря. Мы сегодня до двух.

«До двух она, мышь сисястая. А вот тебе!».

– Тём, пошли – опоздаем! – Дашка театрально вцепилась в своего мужчину, нетерпеливо потянула на выход – будто в спальню...

Не удалось. Под восторженный иностранный гвалт снизу выкрикнули.

– Артем! – Кавалер остановился, выпятив челюсть.

– Шлема?

По ступенькам «взлетел» блеклый тип – волосики прозрачные, как паутина. Интеллигентские очки сползли на самый кончик «утинового» носа. Зеленая водолазка в катышках, драные джинсы. Ботинки из желтой замши, подошва толщиной в два пальца. Как он их поднимает? Как-то сразу Артем выдвинулся вперед, загородил Дашку, она услышала лишь скользкий разговор.

– Отдыхаете? – крысиная мордочка Шлемы любопытно высунулась.

– Перекусили, – уклонился Артем.

– Что так рано? – блеклый, казалось, истинно расстроился. Прыщаво предположил. – Или уже договорились?

– Шлёма! – спина Артема завибрировала.

– Да, ладно ты – не кипятись! – блеклый грамотно спрыгнул со скользкой темы. Забил ее предложением. – Оставайтесь. Питер угощает. У него, оказывается, земля на «Тикондероге». Притащил сюда дюжину пендосов. Оставайтесь! – Маслянистые глаза снова ощупали Дашку. – Пусть студент порадуетя.

– Студентка, – оскорбилась Дашка.

– Студентка, – Шлема ласково улыбнулся. – Извините!

Артем дежурно представил собеседника:

– Даша – Вова Шлюмкин, Вова Шлюмкин – Даша.

Блеклый протиснулся между Артемом и перилами, перед Дашкой возникла холеная белая ручка с пальцами пианиста, наманикюренные ногти блестят бесцветным лаком.

– Вова!

– Нет, я Даша, – фыркнула девушка, но руку пожала. Мягкая кисть – будто без костей.

– Шлюмкин – это псевдоним, с моей рязанской фамилией лишь поросят кормить, куда там в галереях...

– Шлёма у нас фотограф, – перевел на человеческий Артем.

– Слава богу, не у вас! – хихикнул блеклый. – А Дашенька, простите, на кого учиться?

– Артем, – Дашка грубо проигнорировала вопрос, блеклый ей не понравился, – я опоздаю.

– Извини, Шлёма, мы пойдем, – кивнул Артем. Блеклый соорил капризную мину.

– Не гоните, молодежь. Город маленький, везде успеете. Полчаса. – Он показал меж пальцами мизерный промежуток времени. – В конце концов, Олежек довезет.

– На Океанскую? – усмехнулся Артем. Шлема присвистнул:

– На Океанскую? – поморщился, махнул рукой. – Да и фиг! – довезет до Океанской, не развалится. Посидите с нами? – Дашка уцепилась за край Артемкиной куртки, внизу, у гардероба толкались американские матросики: панамки, бушлаты, сытые рожки с баклажанным отливом. Шлема коснулся ее локтя. – Дашенька, надавите на своего дикаря. Посидим, поржем – пендосы, когда пьяные забавные. Хотите, уговорю целого капитана «Катюшу» спеть?

Дашка уткнулась подбородком в растянутый ворот свитера, покосилась на Артема. Шлема поймал интерес, вмиг оказался выше Дашки, потянул ее в зал. Она промямлила, оглянувшись на Артема:

– Ну, если на полчаса... Вы меня, правда, отвезете?

– Почему «тебя»? – Шлема задрал брови. – Вас! – Осмотрел обоих.

– Не сложилось что ли? – догадался он. – Тогда, сам бог велел не торопиться.

Тут Дашка ощутила, что стремительно краснеет, кончики ушей загорелись – того и гляди пыхнут. Воображаемо запахло паленым волосом и репутацией.

– Это не ваше дело, – нашлась она, спасая остатки приличия.

– Конечно не мое, – Шлема отмахнулся, скакнул белкой в зал. – Ирочка, мы тут!!!

Будто дождавшись сигнала, матросские ботинки загрохотали по ступенькам.

* * *

«Полчаса, полчаса» – Дашка постоянно напоминала себе о времени, стрелки часов пожирали его незаметно. Бокал вина. Шипящие слова, как через камешки: единственно знакомое – «Джорджия».

– Окей! – кивнула Дашка тяжелой головой. «Целый капитан» и в правду пропел: «Выходила на берег Катюша», а теперь тряс перед ней пальцами-сосисками. Синий растянутый якорек на фаланге указательного пальца. С другой стороны Дашку придавила задорная латинянка Виктория. Хорошенькая – страсть! На ней даже клоунские ботинки выглядели изысканным «милитари». Птичья испано-английская речь промыла голову насквозь. Дашка на всякий случай повторила в бокал. – Окей. – Артем напротив – натянуто улыбается, косится в ее сторону, Шлёма поспеивал везде. Бегло щебечет с пузатыми неграми, вдруг, стоит моргнуть, оказывается в двух шагах:

– Все в порядке?

– Окей! – Дашка вдруг поняла, что язык отказывается произнести «угу».

– Молодец, освоилась, – похвалил Шлёма, опустился рядышком на стул, перекинулся фразой с латинянкой. Женщина, закинув голову, рассмеялась, капитан оторопело погрозил исколотым пальцем. Вдруг Шлёма положил руку на Дашкино колено. – Как с английским – волочешь? – Дашка дернула ногой, Шлема вскинул ладони. – Ой, извини! У нас по-простому!

– У меня все сложно.

– Тю-у, – протянул Шлёма, моргнул в сторону Артема. – Любовь что ли?

– Хоть бы и любовь.

– Нафига он тебе? Проблема на проблеме и карман с дырой. Нафига девушке еще одна – разве про запас... – Дашка задохнулась, вжалась в стул, Шлёма отбарабанил марш на ее коленке. – Смотри, подросток.

– Сам смотри! – выдавила она.

– Ябеда, что ли? – Шлема хлебнул из чужого бокала, мягкие пальцы жеманно прикоснулись плеча, Дашку передернуло. – Ладно, не обижайся – я ж не знаю, как у вас. Можно ж попытаться? Зато честно. Нет?

– Нет!

– Ну и ладно, – Шлема привстал, успел скользко шепнуть. – Осторожнее с Викулей – лесбиянка. – Он кивнул на соседку американку. Карие глаза ответили остро, Виктория помачала пятерней.

Прошел час...

– Русские – свиньи, говоришь? – Артем оторвал лоб от столешницы, проглотил взглядом Питера. Американец поперхнулся. Мгновение – он сидит на полу с разбитым носом, таращится рыбьими глазами. Моряки подскочили, любительница английского заверещала. Артем опрокинул стул, нащупал первое, что попало под руку:

– Ату, суки! Будет вам Чесма! – Вилка сверкнула под софитом.

– Артем! – вякнул Шлёма.

– Ша, корюшка! Мой адрес Советский Союз! Слышал хоть, овощ? – никто не успел ответить, Артем с полужазы затянул. – Союз нерушимый республик свободных сплотила на веки великая Русь, да здравствует созданный волей народа великий могучий Советский Союз!.. – голос сломался, Артем сплюнул в матросскую панаму. – Капитан, капитан, улыбнитесь: Чебурашка – это флаг корабля... – Пробормотал через икоту. – Идите вы на... Тикон-ик-дерогу. Что лупитесь, баклажаны? Не любите в рыло... Перхоть репейная! – Один матрос дернулся, но натолкнулся на рык. – Смирна!!! – Артем сделал страшные глаза. – Селедка пепеточная! – Он прищурился, обвел публику взглядом. – Гуманитарку, суки, привезли? Помогаете? – Остановился на латиноамериканке. – Викуля, спасай – отсоси советскому офицеру. Победа, мать твою!.. – Он обошел стол, роняя посуду. Заметил Дашку. Она не могла никак сфокусировать внимание на ком-то одном. Вот ее «демон» хамит пролетарски, бородастый педофил переворачивает газету, ищет глазами свою поклонницу. Капитан что-то бегло щебечет, под смуглой кожей матроса играют желваки.

– Ой!!! – Дашка взлетела над стулом. – Пусти!!!

Артем закинул ее на плечи, покачнулся, но устоял.

– Знаешь что? – шлепнул ее по заднице.

– Пусти!!! – Дашка заколотила в плечи. Пленница, мамочки мои, можно поклясться, завоняла конская попона. – Ар-р...

– Давай, хоть тебя спасу, русская женщина! – Зашатался потолок, глаза – перепуганные и веселые.

– Пусти! – Дашка вдруг спохватилась. – Альбом! – Папка рассыпалась по ковровину, белые прямоугольники жалко кричали из-под ног. Псина обособленно от всех таращился с листа, на то, как уносят хозяйку. – Скотина, пусти!!! – стало жутко, мочевого пузырь чуть не слился в джинсы. – Пусти...

– Да не кричи ты. Уши больно. Коза! – Артем подкинул ее, пристраивая поудобнее, и сбежал в холл.

Глава 6. Артем.

На улице рубили дрова. Хряк! – топор отесывает чурбаны. Затем деревяшки музыкально колотятся о кучу. Хряк!

– Бля-а! – выругался прокуренный мужской голос. Опять – хряк!.. Голосисто расчири-кались воробы, твякнула шавка – залиvistый лай оборвался матом. – Гнида, заемал! – Топор расколол чурбан. Артем высунулся из-под пиджака, через щели в стенах льется серый свет. По углам: семейный хлам – такой копится легко, но выкинуть жалко. Кому, спрашивается, нужен бачок от старой стиральной машины или лыжики «Быстрица» с одной бамбуковой палкой? «Милый, лишь бы не было войны» – сам собой напрашивается куплет под этот очаровательный склад. Да пофигу война, когда в каждой сараюшке подобные запасы. Артем сел; всклокоченное ватное одеяло лежит поверх неструганных досок; чугунный шар догнал чумную голову.

– Хреново как, – пробормотал Артем. Как такие сараюшки называются. Сени? – Ах, вы сени, мои сени, сени новые мои... – Он спрыгнул на пол, поискал туфли. Один ботинок валялся оверкиль¹ под полкой, второй стыдливо щерил нос у стены. Когда Артем обнаружил спаренные в кулек носки, не удержался хмыкнув. – Надо же... – Сени должны быть новыми, кленовыми, решетчатыми. Эти были старые, пропахшие рухлядью, но дыры меж досками имелись. Артем, чувствуя себя мальчишкой, приник к одной. – Куда нас «белка» занесла?.. Поглядим. – Стебли засохшей полыни, доски вповалку, ржавое ведро. Несуразный пес, сделал стойку, таращится за угол. Оттуда снова: Хряк! – дровина звучно встретилась с кучей. Хозяина видно не было. Артем накинул на плечи пиджак, поежившись, подошел к двери, подергал. – Оп-па! – снаружи загремела цепь. Артем пнул дверь. – Хозяин, открывай. Ты чего беспределничаешь? – Пес захлебнулся лаем, до хрипа. Повис на ошейнике. Хозяин, шикнул:

– Гнида, пошла! – Псина обижено взвизгнула. Цепь зажурчала о доски. Гнида, значит. Хорошее имечко – Шлюмкину в самый раз.

– Ой, еп! – Артем схватился за голову! Шлема – сидит сейчас у Моленки, струится слезами. Мурзилка резиновая! Не трещала бы голова, впору напугаться. Где хоть я? Некстати припомнился «огорченный» Питер – на бывшего Чикагского таксиста, в общем-то, плевать. А вот перед голосистым капитаном, что так старательно растягивал «Катюшу» становилось неудобно. Интересно, Вики знает, что по-русски значит «пососать»? Интуиция подсказывала – знает. Вспомнился Дашкин визг у самого уха. Что называется, произвел на барышню впечатление – не забудет никогда. Артем тревожно осмотрел свою «тюрьму». На душе кисло, по сердцу – заржавленной пилой. Прощения просить пристойно, если помнишь за что. За беспамятство – по роже. Да вроде, все без глупостей. Ага! – шевельнулось внутри. – Сарай, мужик, топор – логическая цепочка намекала об обратном. Артем примерил к плечу оборванный рукав, жалко признался ниткам. – Не помню!

– Зато я помню, – заверил за дверью хриплый бас, цепь зазвенела.

В глаза ударил яркий свет. Артем зажмурился, дернулся назад.

Бить не стали. Грубо, но спокойно спросили. – Ты зачем мне дочь губишь, чудовище?

Артем ответил не сразу:

– С Дашей... с ней все хорошо? – с трудом выдавил он. Силуэт недобро ухмыльнулся:

– Чего хорошего? – он рассмотрел Артема с прищуром, неожиданно сжалился. –

Болеет...

– Я не?..

– Ты б не здесь дрых, а в канаве! – оборвал мужик. Посторонился. – Ну, ты выходишь... кавалер?

¹ Оверкиль (англ. overkeel) – опрокидывание судна вверх килем (днищем). Здесь: перевернут.

– Ну, выхожу.

Посадили у печки, отец высыпал дрова под оштукатуренный бок.

– Свет опять отключили, – пояснил он. – Горшок с Крышей² развлекаются. – Он приоткрыл дверцу, коротко зыркнул на гудящее пламя. – Чаю хочешь? – снял с конфорки зеленый чайник, плюхнул бурое варево в железную кружку с отколотой эмалью.

– Хочу, – кивнул Артем, натянув рукав пиджака на ладонь, взялся за кружку. Все равно проглот. Он поморщился, подставил под донце другую руку и отхлебнул: без сахара; тяжелый «грузинский» задубил язык. Артем глянул на отца поверх кружки. Суровый мужчина, мелкий – такие «на раз» втыкают в печень и рубят по-стахановски уголёк. Седая, стриженная «под ежик» голова, натянутые скулы. Шея сухой веткой торчит из растянутого ворота водолазного свитера. Как у «черно-белой», но в разы древнее. Штаны «афганки» заправлены в потрепанный «кирзач».

– Куришь? – в руке отца оказалась половинка «Примы».

– Нет, – Артем снова отхлебнул, не удержался – скривился.

– Горький? – догадался отец. – А че сахару не попросишь?

Странно, но мысль, что у дядьки может водиться сахар не пришла в голову.

– Я без сахара, – Артем пытался сохранить лицо.

– И давно? – усмехнулся отец, встал, дотянулся до сахарницы.

Четыре кубика утонули в кипятке.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – дядька дал ложку.

– Спасибо.

Отец вновь хмыкнул:

– А вчера резать обещал. Врал, значит, что герой? Нож тебе зачем, упырь? – Артем инстинктивно хлопнул себя по карману, едва не опрокинув кружку. Батя развеселился. – В нужнике пиковина твоя – поищи! А хочешь, новую сделаю? Краше прежней.

– Нафига? – Артем пожал плечами.

– Правильно, паря, – дядька, не смотря на крохотный рост, сумел нависнуть. В Артемкино лицо уставился тощий кулак. – Ты дочу мою не трожь! Понятно, соплячке любопытно, что за ангел нашелся...

– Отец!

– Я ей отец, а такого зятка мне даром не надо! – костяшки побелели. Неожиданно кулак разжался, дядька мягче спросил. – Ну, зачем она тебе? Мало мочалок по кабакам? Ты же видишь, блаженная она у меня. Жалко ее. Хапнет коротенького счастья, да овдовеет. Че молчишь-то? Мало вас дохлых по золоотвала³?

– Кто про жениться говорил? – Артем захлебнулся негодованием.

Отец внимательно рассмотрел «дорогого гостя»:

– А иначе, убью! Если успею... Веришь? – Мутные глаза холодно пронзили Артема.

– Я ее не обижу, отец, – медленно произнес Артем. Пустая кружка звякнула о конфорку.

Артем с трудом отвернулся, положил ладони на теплую печь. Батя подлил кипятка, небрежно кинул:

– Где она подобрала такого воробья?

– Как и положено – в парке, – откликнулся Артем.

² Горшок и Крыша: мэр и губернатор. Бонзы мерились у кого толще и длиннее.

³ Золоотвал – традиционное место пропажи конкурентов.

* * *

Дашка не удивилась. Она запахнулась в огромный махровый халат и поспешила отвернуться. На кухне стало тесно.

– Привет, – поздоровался Артем.

– Угу, – пробубнила Даша. Презрительно зыркнул из-за порога кот, желтые глаза прищурились, всклокочилась шерсть.

– Кис-кис, – Артем показал, будто в руке что-то есть. Кот по-человечески фыркнул, спрятался за косяком.

– Лучше не трожь – в ботинки насыт, – посоветовал отец.

– Так на мне ботинки... – Артем продемонстрировал туфли.

– На тебе и насыт!

– Папа-а! – протянула капризно Дашка, оставив зубную щетку.

– Ох, ты! – восхитился отец, но от комментариев воздержался.

Даша поймала взгляд, дернулась обратно к зеркалу. Зажурчала вода в умывальнике.

– В школу пойдешь? – отец оперся локтем на колено, поворошил угли в печке.

– Угу.

– Твоя сисястая названивает...

– Папа-а!

– В курсе, что ли?

Дашка опять обернулась:

– Чего? – не поняла она.

– Твоих приключений... Вместе были... с этим?

– Ну, па-а! – Дашка смущенно косится на Артема.

– Чего «папа»? А пьяная домой – не папа? Хмыря с собой привести – не папа? – отец вдруг переключился на «гостя». – Ну да, это он тебя донес. Милая, ничего по дороге не потеряла – совесть например?

– Отец, полегче... – заступился Артем, за что немедля «получил леща»:

– Полегче?! – отец уставился, поиграл желваками, рука невзначай прикоснулась чайника. Артем сдал назад:

– Я виноват, Дашка здесь причем? – странно, но хотелось спасовать перед папашей.

– А баба всегда причем – ей даунов рожать, если по-пьяни матку вывернуть. – Что возразишь? Артем вздохнул, глянув на дрожащую спину – еще слез не хватало!.. Виновато выдавил:

– Простите... Не знаю, как получилось.

– Не знает он... – отец оттянул ворот свитера, покарябал шею.

Неудобная пауза – весьма кстати. Бьется о таз струйка воды, еле слышно бормочет радиоточка. Издали, по нарастающей, засвистела электричка. Колеса ритмично заколотили в рельсы. Треснуло в печке пламя. Отец приоткрыл дверцу, пошерудил кочергой – лицо озарилось. Он приподнял глаза, спросил невзначай. – За что хоть морду подставлял?

– Так, бакланка, – пожал плечами Артем.

– Правда, американца бил?

Артем поймал Дашкин взгляд – застыла с зубной щеткой во рту.

– Ну... – признался он.

– Оно и правильно, – неожиданно быстро согласился отец. – Ты, говорят, офицер?

– Бывший.

– Болван, в отставке! «Бывший» бывает «в употреблении». Сбежал?

– Сбежал, – кивнул Артем.

– Дезертир, значит?

Артем поймал колючий взгляд, еле сдержался, чтобы не нагрубить. Память ехидно напомнила сумку-раскладушку с ЗИПом⁴. Ржач в кондейке, когда делили с мичманом чисто-ган.

– Я Союзу присягал, – пробурчал Артем.

– А-а! – с притворным пониманием протянул батя, дверца печи шумно встала на место. – Тогда конечно, Союзу... Эка, Даша, словила звезду – белая кость! Мне, неумытому крановщику, даже неудобно. Милай, а ты на рояле, часом, не играешь?

– Нет, – Артем растерялся.

– Ладно, ваше благородие, не тупи. Наклонись ка... Не ссы – куда мне, старому пню до тебя. Шепну по-отечески – не прогонять же голубу. Ишь, ушки наострила! – Дашка фыркнула и сплюнула зубную пасту в таз. Артем пододвинулся к столу вместе с табуреткой.

⁴ ЗИП – Запасные части, Инструменты, Принадлежности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.